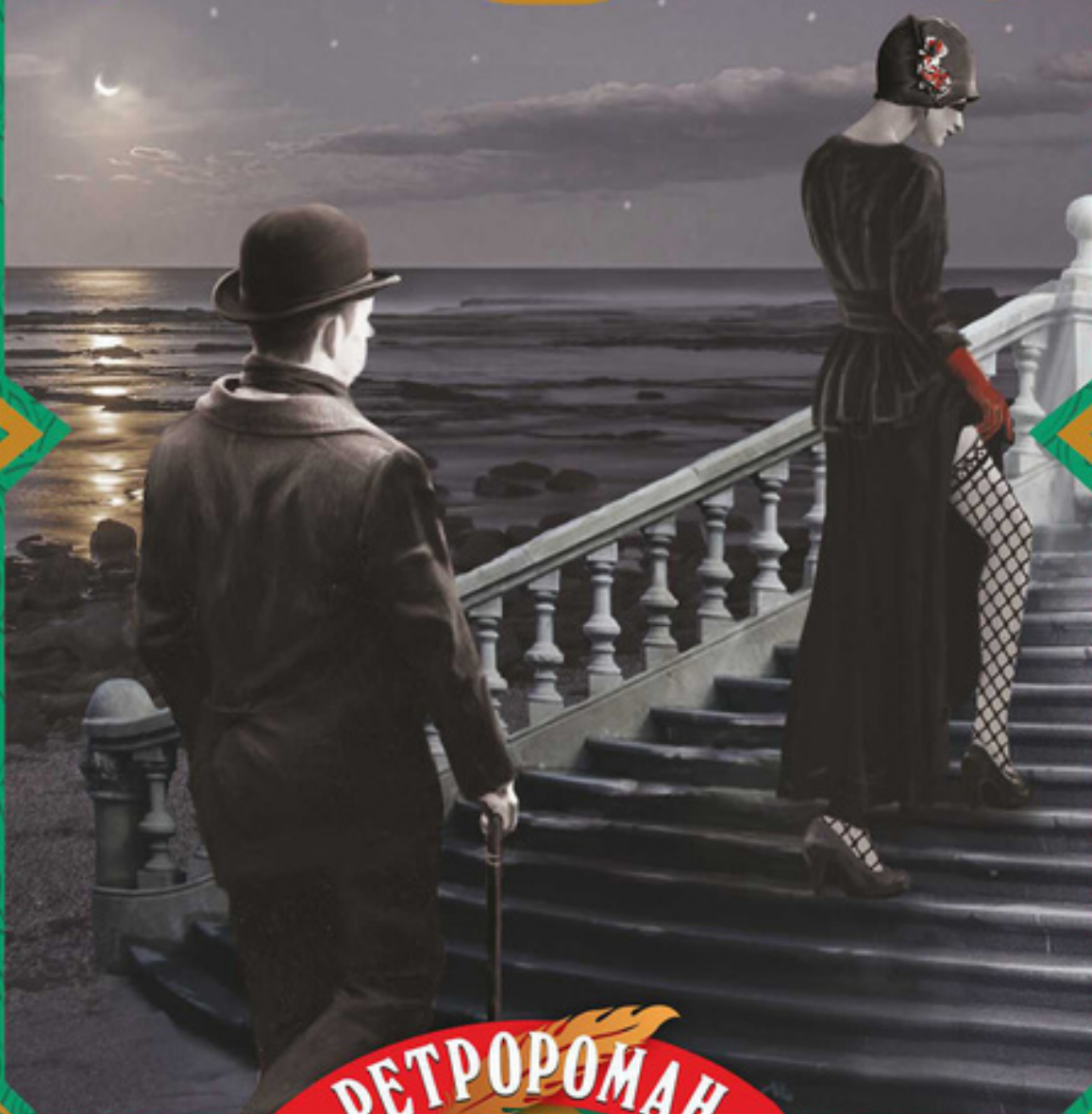

Одесса

Ирина Лобусова

**КОРОЛИ
МОЛДАВАНКИ**

РЕТРОРОМАН

CF FOLIO

Ретророман

Ирина Лобусова

Короли Молдаванки

«Фолио»

2017

ББК 84(4УКР)6

Лобусова И. И.

Короли Молдаванки / И. И. Лобусова — «Фолио»,
2017 — (Ретророман)

ISBN 978-966-03-7113-2

Когда молодой следователь Володя Сосновский по велению семьи был сослан подальше от столичных соблазнов — в Одессу, он и предположить не мог, что в этом приморском городе круто изменится его судьба. Лишь только он приступает к работе, как в Одессе начинают находить трупы богачей. Один, второй, третий... Они изуродованы до невозможности, но главное — у всех отрезаны пальцы. В городе паника, одесситы убеждены, что это дело рук убийцы по имени Людоед. Володя вместе со старым следователем Полипиным приступает к его поиску. Сосновский и представить не мог, какую роль в этой истории играет девушка Таня, которую он искренне полюбил...

ББК 84(4УКР)6

ISBN 978-966-03-7113-2

© Лобусова И. И., 2017

© Фолио, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ирина Лобусова

Короли Молдаванки

© И. И. Лобусова, 2017

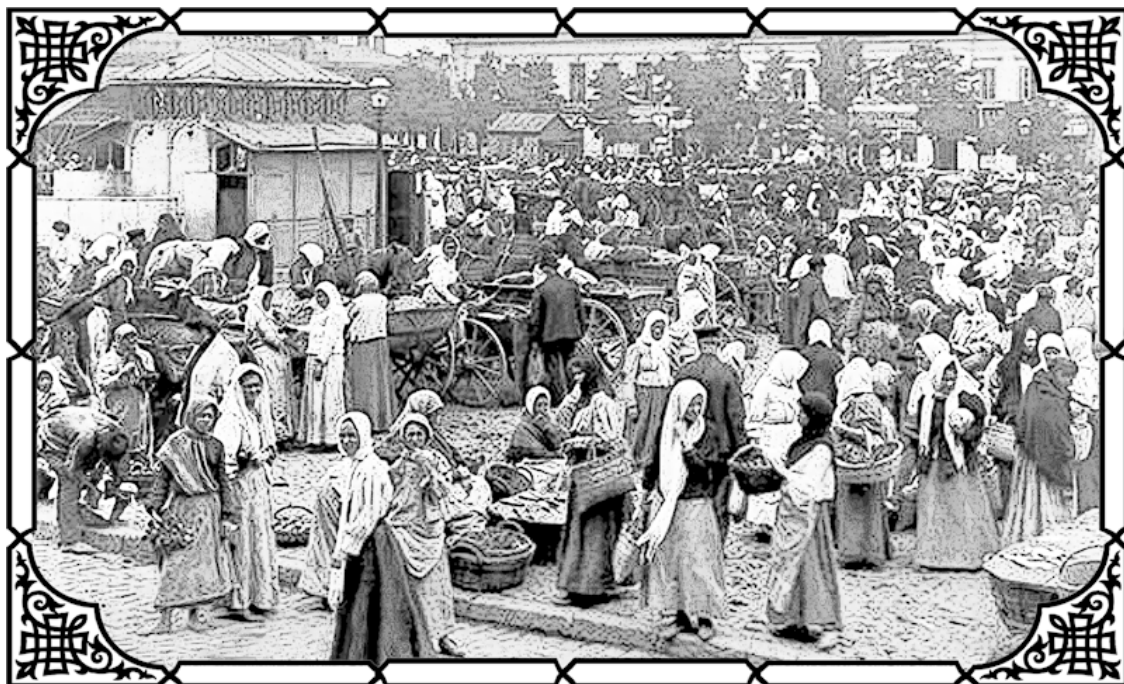
© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2017

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

Глава 1

«Золотой гусь» из Нижнего Новгорода. Окончание обеда в кафе Либмана на Екатерининской. Привоз, или Особый одесский мир. Начинка в пирожках

Одесса, 1916 год

Скототорговец средней руки из Нижнего Новгорода сидел в кафе Либмана на Екатерининской улице, с наслаждением опираясь локтями о парчовую скатерть. Жаркое полуденное солнце поливало раскаленными лучами палевые стены с золотистым орнаментом, хрустальные светильники, обитые желтоватым бархатом диваны, белоснежные занавеси, паркетный пол. Торговец крупным рогатым скотом пребывал в самом благодушном расположении духа.

После утра на Одесской бирже, где ему все же удалось заполучить нескольких племенных быков-производителей со знаменитого завода в Аккерманском уезде, он имел долгую беседу с директором банка, который пообещал ему всяческое содействие в проведении этой сделки и в переводе векселей в банк Санкт-Петербурга. Собственно, породистые быки и привели его в Одессу договариваться с заводчиком, слава которого гремела по всему югу.

Сделка состоялась к обоюдному удовольствию обеих сторон, и в ближайшее время племенные красавцы должны были быть погружены в товарный вагон и отправлены в Москву, а оттуда уже личным транспортом скототорговца доставлены в родную Нижегородскую губернию. Дела с банком тоже оказались весьма успешны. Словом, ничто не препятствовало солнечному, яркому расположению духа приезжего торговца, такому же яркому, как знаменитое одесское солнце, в лучи которого, такие необычно теплые по сравнению с прохладным тусклым светом его родного солнца, торговец влюбился с первых же минут пребывания в этом городе. К тому же сразу же, как только он появился в Одессе, его не покидало ощущение праздника, пьянящего, как глоток молодого, невыдержанного вина, сразу ударяющего в голову.

Этот город и сам был праздник! Здесь торговцу нравилось абсолютно всё – начиная с утренних деловых встреч и заканчивая вечерним променадом по нарядной, как барышня, Дерibasовской, притягивающей толпы праздно гуляющих. Одесса жила своей собственной бурной жизнью, расцветающей полным цветом, когда зажигались ночные фонари.

Скототорговец путешествовал много, но нигде не видел ничего подобного! Эта нарядная толпа, заполняющая улицы вечернего города и террасы летних кафе, источала веселье, словно пьянящий аромат духов, и этому очаровательному аромату нельзя было не поддаться!

Казалось, что здесь никто не думает о делах. Все эти дела решались с легкостью, быстротой и какой-то непонятной, изящной живостью, совсем не похожей на томную тягучесть тугодумных московских контор. Здесь соображали быстро, все схватывали на лету, и тот же директор банка, едва скототорговец заговорил о своем деле, с живостью, почти молниеносно, с ходу предложил самый лучший вариант для его сделки – не забыв, понятно, при этом свой собственный интерес. Сделка с векселями, причинявшая скототорговцу немало неприятных минут, по дороге в поезде при обдумывании, вдруг превратилась в легкий пустяк, почему-то напомнив ему бокал изысканного французского шампанского, каким угостил его директор банка после заключения договора.

Действительно, Одесса была похожа на распутившийся цветок. Здесь хотелось наслаждаться жизнью, отбросив все печальные и серьезные мысли, не думая ни о чем.

Вечер первого одесского дня, после головокружительного успеха в делах, скототорговец провел в одном из кафе-шантанов на Николаевском бульваре. Он пил шампанское до поздней ночи, бросал мелкие монеты цыганам, вдыхая соленые капли, долетавшие от близкого моря.

Остаток ночи он провел в одной из небольших гостиниц, во множестве разбросанных по Дерibasовской, в компании некой темноволосой Изольды, совершенно покоровившей его своим умением пить шампанское – не пьянея – и бешеным южным темпераментом. Он сомневался, что ее зовут действительно Изольда, но это не имело никакого значения. Кожа ее была оттенка темного меда, и какие же огненные чертики плясали в ее глазах! А что она вытворяла в постели! Он, степенный отец четверых детей и член попечительского совета местной гимназии, никогда прежде и не подозревал о таких вещах! Изольда заставила его совершенно потерять голову. А прошедшая ночь осталась таким невероятно ярким воспоминанием, по сравнению с которым меркли все остальные...

Думая о страстной Изольде, скототорговец пригубил терпкое золотистое вино местного урожая и с удовольствием отломил запеченную корочку хлеба, поданного к обеду. Затем принялся с интересом разглядывать местную публику.

Здесь, похоже, собирались люди с деньгами. Вон стайка нарядных барышень – они выглядят такими красотками, что глаз не оторвать! Но тут нужна осторожность, это не Изольда из кафе-шантана – видно, что барышни приличные. А вон, за соседним столиком, явно богатый купец с дамой. Дама, конечно, не из благородных. Но манерам обучена. Потягивают дорогое шампанское, радуются жизни, как и все в этом городе, словно нет здесь и никогда не было никаких проблем, словно и войны не было.

Наслаждаясь ослепительно-красивым солнечным днем, торговец даже не догадывался о том, что именно он был предметом разговора двух официантов, которые, как говорят в Одессе, пытались «выставить золотого гуся» – то есть получить как можно больше чаевых. «Золотым гусем» при этом был, разумеется, клиент.

Вернувшийся с перекура официант, который обслуживал скототорговца, просто остолбенел, когда увидел, что его шустрый наглый коллега несет клиенту уже вторую бутылку вина. Упершись руками в бока, он громко прокомментировал:

– Грандиозный шухер!

Это означало не что иное, как открытое начало боевых действий. И действительно: едва наглый официант скрылся в служебном помещении, первый уже поджидал его там.

Разговор их был кратким, но колоритным.

– Кто-то имеет держать мне за фраера?

– Ой, да брось мне делать за вырванные годы! Це ж холоймес!

– Я тебе покажу холоймес! Твой холоймес, как у курицы сиськи! Вот я щас как наподдам тебе химины куры, таки ты заткнешь свой рот ушами!

– Да ты шо хипишишь? Оно тебе надо? Да ты только посмотри на него – как босяк с Дюковского сада, – защищавшийся официант демонстративным жестом указал на шейный платок клиента – дешевый и простой, в отличие от предметов гардероба других посетителей кафе.

Тут впервые пострадавший официант сообразил, что гусь, возможно, и не был таким уж золотым. Поняв это, он поддержал шутку.

– Таки-да – напялил трусы с галстуком! Этот шмуцер будет здесь за коня в пальте!

– Шоб мы так жили, как я на это смеялся!

Мир был восстановлен, и два официанта, угостив друг друга папиросами, стали в уголке и готовы были и дальше обсуждать провинциального клиента, как тут на них налетел помощник повара – дядька еще тот!

– Шо вы здесь стоите? Вам здесь тут, или не как?

– А шо, мне до вас лежать? – нагло бросил один из официантов.

Помощник повара замахнулся на него половником для супа:

– А ну бикицер! Щас ноги повыдергиваю, спички вставлю!

– Ой, ни бей миня киця лапой, а то я тебе вдарю шляпой! – не сдавался официант.

– Закрой рот и сделай мне ночь до вечера! Шлимазл... – закипал помощник повара.

Но в этот момент в дверях появился управляющий этим кафе, и официанты, не сговариваясь, со всех ног бросились обслуживать клиента, на ходу решив поделить «гуся» поровну.

А скототорговец был так погружен в свои приятные мысли, что не обратил внимание на то, что возле его столика появились сразу два официанта.

Первый держал на серебряном подносе изящную фарфоровую супницу, из-под крышки которой вырывался ароматный пар. Второй уже наливал суп.

Скототорговец с наслаждением облизнулся. Еда здесь действительно была отменная. Он посещал это кафе второй день подряд. В этом южном городе знают толк в кухне. Чего только стоят эти травки, которые они добавляют в суп! Бог их знает, как они называются, но такой суп он пробовал только здесь.

Второй официант почтительно пододвинул тарелку. Скототорговец опустил ложку в золотистую жидкость, на поверхности которой расплывались ароматные масляные круги. В самом центре этих кругов плавали так полюбившиеся ему зеленые травки. Аромат был божественный! Ложка сразу уперлась во что-то твердое. «И курятины здесь не жалеют», – подумал скототорговец, помешивая суп.

Сделав большой глоток вина, он зачерпнул со дна тарелки твердый кусок курятины и поднес ложку ко рту.

Ложка почему-то показалась невероятно тяжелой. Скототорговец опустил глаза вниз, и... Золотистый суп тут же выплеснулся на стол. В ложке, в самом центре ароматной жидкости лежал... человеческий палец. Самый настоящий человеческий палец, вокруг которого запеклась темная кровь. В глаза отчетливо бросались жесткие черные волоски на сморщенной желтоватой коже, плоский, словно приплюснутый ноготь и застывшая синева по его краям.

Несколько секунд скототорговец сидел неподвижно, уставившись на страшную находку. Наконец рука его дрогнула, и палец выпал из ложки прямо на парчовую скатерть. Перевернувшись, он остался лежать посреди набивной тканой розы. А потом скототорговец закричал.

Крик торговца скотом все еще звучал в стенах кафе, когда первый официант остановился посреди зала, воздел руки горе и с непередаваемым выражением произнес:

– Грандиозный шухер!..

В разгар дня центр Привоза был чем-то похож на рыбный рынок Парижа – с той только разницей, что на Привозе всегда была более оживленная атмосфера, а в глаза бросались более яркие краски. Гул в торговых рядах стоял день и ночь. Торговки рыбой и цветами, овощами и фруктами, мясом и мануфактурой в пестрых ярких платках, повязанных вокруг буйных голов, в пышных цветастых юбках, напоминавших одновременно и знаменитые цыганские юбки, и модные одеяния певичек из кафе-шантанов, вели между собой оживленный, бойкий диалог на своем собственном, понятном только им одним языке. Словно говорливая стая пестрых птиц, они были бессменным украшением знаменитого рынка, добавляя яркость и жизнь всему, что попадало в их круг.

Это был неповторимый, собственный мир, живущий по своим, только ему понятным законам, и отголоски этого мира как особый флер парили над целым городом, сделав Привоз самым знаменитым местом Одессы. Без колоритных одесских торговек это был бы просто скучный и серый базар, просто безликая точка на карте города, не говорящая никому ни о чем.

И этот языковой Вавилон бурлил нескончаемо! Каких только типов не наблюдалось в этом человеческом море!

Торговки разного рода товара поначалу мирно перебрасывались словами:

– Фира, уберите ваш тухес.

Фира отвечала почти лениво:

– Ой, чья бы кура тут рвала гланды! Лучше замолчи свой рот на уши и не делай мне в голове ту жопу, шо у тебя на лице!

– Засохни свой рот сама, пока тухес не протух!

Постепенно страсти накалялись.

– Маня, тебе не холодно в ногах?!

– А шо такое?

– Шо ты напялила за ноги, как трусы на галстук?

– Таки засохни глазом, щоб горло не простудить! Грошей нема – штиблеты пролетают, как фанера над Парижем!..

Несмотря на галдеж, любой разговор слышал весь Привоз и принимал в нем участие.

– Ой, Маня! За шо ты мне тут заливаешь? Шоб вы так жили, как прибедняетесь!

– Лопни, но держи фасон!

Энергичная торговка бельевым полотном пыталась вернуть уходящую покупательницу:

– Мадам, где вы пошли? Где вы пошли, я за кого спрашиваю? Ой, разверните свои уши по ветру!

Но покупательница не реагировала, не соблазнившись на нехитрый товар и унося с собой драгоценный кошелек с деньгами.

– Нет, вы только посмотрите за этот холоймес! – вопила торговка, потрясая в воздухе руками. – Мадам... У вас же всё сердце на двор! А у нас такое сердце даже с упокоительным не потребляют! Вернитесь, мадам, я найду прикрыть за ваш позор на ребрах! Вам не сердце надо открывать, а тухес! Может, за вас тогда и с упокоительным посмотрят – шлимазл какой!..

В соседнем ряду молоденький офицер покупал продукты, безгласно отодвинув от себя плетеную корзинку с грязными домашними яйцами.

– Да за шо такое? – возмутилась торговка. – Не яички – чистое золото императорской короны! Де вы найдете такой великий шухер, щоб за смешные гроши сделать базар за чистое золото?

– Мадам, ваши яйца грязные, я не буду их покупать!

– Ой, я за вам умоляю! – и торговка завопила своей подельнице: – Зина, вытри господину офицеру яйца!..

Яркий, красочный океан бурлил словами, разобраться в которых сразу же мог только посвященный – посвященный в таинство той великой и уникальной земли, которую давным-давно назвали Одессой.

День был в разгаре. Свежая рыба билась в огромных плетеных корзинах. Толстые руки торговки ловили пытавшихся убежать из ведер раков и пересыпали солью черные, отливающие перламутром раковины мидий, издающие при этом глухой стук. Запах рыбы смешивался с ароматом цветов, привезенных с окрестных дач. Но нежные лепестки роз не казались от этого более тусклыми.

В рыбном ряду шла ожесточенная торговля.

– Мадам, эти бички, как прыщ на вашей заднице! На ползуба за перекус!

– А вы не кусайте, вы смочите! Ишь ты, какой закусанный! Шо ты босячишь, песья морда? Выкишивайся отсюда, кусок адиёта! Швицер замурзанный, не делай мне погоду! Лучше делай за себе базар! На яки бебехи мне за цей гембель? Бички у него как прыщи во рту!..

Очередной покупатель пытался добиться от торговки снижения цены.

– Мадам, унижьте вашу цену! Шо я стою битый час, как полный адиёт? Эта рыба желтая, как ваши вырванные годы! Или я вам не тут, а за здесь? Не делайте мне нервы на кицкины лапы! Или я стою, или я никак за здесь?..

Золотистые лучи жаркого солнца освещали кувшины с медом и красные яблоки, тонули в грудах разноцветных овощей и застывали на глянцевої поверхности контрабандного шелка, казавшегося просто королевским товаром. И на этом фоне, над всем этим стоял постоянный гул, шум людских голосов, способных заглушить морской прибой.

Бродячие торговцы, торгующие с лотков на развес, расхваливали свой товар. Чего только не было на лотках, подвешенных на грудь на манер короба знаменитых древних коробейников! У говорливых торговки разбежались глаза от пестрых лент и сладких пирожков, от гребешков и булавок, и травяных букетов для изготовления «лучшего приворотного зелья».

– Ленты! Николаевская мануфактура! Карамель Ландрин! Помада из пчелиного воска! Румяны, кому румяны! Сладкие пирожки из тыквы! Айва, айва! Варенье из розы – снимает все болячки! – Голоса перекрывали один другой и без труда находили свое место в общем хоре, достигая ушей покупателей.

Толстая, пестрая торговка контрабандным шелком в сердцах плюхнула на прилавок отрез ткани и, соорудив выразительную гримасу вслед удаляющейся от нее покупательнице – гримасу, на которую способны только одесские торговки, – сказала, обращаясь к своей соседке, торговке медом:

– Устала сегодня – как кура на сносях! К полудню дело близится, а я не распочинилась. За глаза темно – сердце выскакивает!

– Покупатель ныне плохой, – поддакнула торговка медом, – все ходят и ходят, а чего ходят, и сами не знают. За воздух топчут.

Тут до них донесся истошный вопль мальчишки-разносчика:

– Пирожки! А кому сладкие пирожки!

– Эй, пацан, а ну иди сюда! Шо ты там казал за пирожки? – Торговка тканью приободрилась и замахала мальчишке, который и без того уже шел на ее зов. – Шо в пирожки?

– Вот с яблоком. Здесь сахарные. А тут с вишневым вареньем.

– Дай-ка мне два – вот этот, с яблоком, да и за сахарный тоже!

Пока мальчишка бодро отсчитывал сдачу (впрочем, не забыв ошибиться в свою пользу на копейку), торговка медом с завистью смотрела на свою соседку, уже державшую аппетитный пирог в руке, – у нее денег не было.

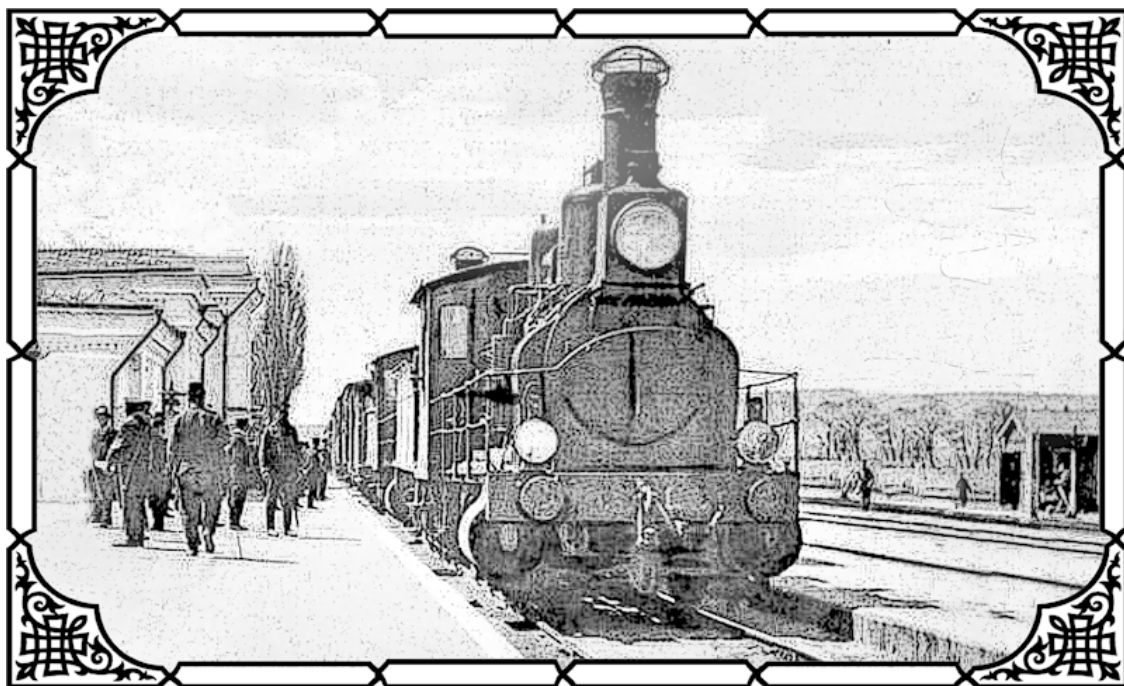
Надув щеки от удовольствия, торговка тканью щедро откусила яблочный пирожок. И тут же состроила недовольную гримасу. В зубы ей сразу попало что-то твердое – ну прямо не укусить! Наверняка плохо порезали яблоки. Чертыхаясь и выплевывая кусок пирога, торговка засунула палец в рот и без труда вытащила какой-то большой твердый кусок, на ощупь даже больше, чем половинка отрезанного яблока. Она выплюнула находку на ладонь, а затем поднесла к свету. Тонкий звук, вырвавшийся из ее груди, больше походил на писк грудного ребенка и никак не вязался с немолодой уже женщиной пышной комплекции. Ничего не понимая, торговка уставилась на ладонь.

Там, тускло поблескивая желтоватым сплюсненным ногтем, лежал отрезанный человеческий палец...

– Святые угодники!.. Святой Георгий, защити нас!.. – взвизгнула торговка медом, отлично разглядевшая страшную находку. Тетка, нашедшая отрезанный палец в пирожке, вдруг задрожала всем телом и, распрямив мощную грудь, издала утробный вопль, заставивший замереть целый рынок. После этого она закатила глаза и замертво рухнула под прилавок.

Глава 2

Володя Сосновский едет в Одессу. Литературное «величие», или «Стихи бешеной собаки». Ночной «пьяница» возле решетки Горсада. Первый труп

Поезд Санкт-Петербург – Одесса мчался сквозь бескрайнюю степь, на последних километрах пути почти не делая остановок. Развалившись на мягком диване, без сна, Володя Сосновский бесконечно долго смотрел в запотевшее от предрассветного тумана окно. Он мечтал об Одессе. Долгий путь в поезде был дорогой к его свободе. А дорога к свободе не может быть бесконечно длинна, если в самом конце ждет настолько благая цель.

Благой целью Володи Сосновского был город у моря, в котором он надеялся обрести себя, отдалившись от всего, что окружало его долгие годы. Прежний, домашний круг, университет, далекие друзья – все растворялось, уходило в прошлое, превращаясь в бесплотные тени на толстом стекле поезда, запотевшем от тумана. Володя Сосновский думал только об одном. И никто из его семьи, в полном составе явившейся на долгие проводы на вокзале, даже не догадывался о том, что, сев в поезд, прежний Володя Сосновский, выпускник юридического факультета Московского университета, благородный молодой человек из богатой и знатной дворянской семьи, перестал существовать. Семья сокрушалась, считая отъезд в Одессу настоящей ссылкой. Но для Володи всё это было не так. Путь в Одессу был дорогой к долгожданной свободе.

А потому, развалившись на удобном, мягком диване в спальном вагоне, Володя почти все времена ехал практически без сна. Володя думал о себе. Он мечтал быть писателем, сочинять стихи. Но там, в далеком Петербурге, в кругу семьи, все это оставалось недостижимой мечтой. Здесь, по дороге в Одессу, это становилось реальностью.

Стихи Володя Сосновский сочинял давно, еще с первого курса университета. И его совершенно не смущало, что большая часть его творений никак не отличалась ни правильными рифмами, ни складностью.

Все началось в маленьком кабачке возле Петербургского вокзала, куда его затащили друзья. Он как раз приехал на каникулы из Москвы и занимался только тем, что отсыпался, ел и гулял, большую часть времени проводя со старыми друзьями еще из гимназии. Именно они и затащили его в кабачок, название которого потом он так и не смог вспомнить, как ни пытался. Там он впервые услышал, как читают стихи – новые стихи, и в тот самый вечер заболел футуристами.

Громогласный, режущий рифмами парень почти двухметрового роста, взобравшись на стол, размахивал кулаками и поливал склоненные головы слушателей мощным потоком яростных рифм. Что это были за рифмы! Володя никогда не слышал таких слов, они перевернули ему всю душу, прожгли изнутри. Так впервые он познакомился с Маяковским.

Вернувшись в ту ночь домой, Володя больше не спал. До самого рассвета он расхаживал по своей просторной комнате в родительском доме и думал только о том, что обязательно должен вот так научиться оперировать рифмами. Чем он хуже? И если этот громогласный детина может писать такие стихи, почему не может он? Нужно приложить немного усилий, стараний, и он тоже сможет вот так – сыпать бешеными рифмами, забравшись на стол.

Избалованный благополучной жизнью в кругу любящей семьи, Володя Сосновский свято верил в избитую истину – девиз всех посредственностей: писать может кто угодно. Талант от Бога – ерунда, любой талант можно развить, если научиться и всё делать по правилам. Забросив свои университетские занятия, Володя принялся писать стихи. С тем и уехал в Москву, где состоялся его первый поэтический дебют в известном на всю Москву заведении мадам Розы.

Это заведение на Тверском бульваре было излюбленным местом всех университетских студентов. Володя бывал там не раз. Именно субботний вечер в компании друзей-кутил и избрал Володя для поэтического дебюта. Хлопнув для храбрости грамм сто коньяку, Володя влез на стол и принялся читать стихи собственного сочинения, которые, впрочем, никто не дослушал до конца. После первых же слов девицы буквально валялись на полу, от дикого хохота схватившись за животы. На шум даже прибежала сама мадам Роза. Послушав Володино творение, она заявила, что давно уже никто ее так не смешил. И в те дни, когда он будет декламировать свои стихи, она готова предоставлять ему огромную скидку на все услуги заведения.

Первая неудача не смутила Володю – наоборот, заставила твердо уверовать в свою гениальность. Ведь, как известно, гениями являются как раз те, кого не понимают окружающие.

С тех пор Володя зажил интересной двойной жизнью, о которой знали все его друзья, но не догадывался никто из родных. В одной жизни он сочинял стихи, общался с поэтами, посещал все их гулянки в маленьких дешевых кабачках и даже познакомился с самим Маяковским. Сосновский стал ярым представителем нового литературного времени. Он мечтал сломать все старые рифмы, заменив их придуманными заново, и писать такие стихи, чтобы их никто не понимал.

Последнее, впрочем, ему удавалось отлично. Это заставляло постоянно поддерживать мысль о собственном великом предназначении. В мыслях Володя считал себя даже более великим поэтом, чем Маяковский.

В другой жизни он по-прежнему тянул постылую лямку университетской учебы, прекрасно зная, что никогда не будет юристом. Он нарушит все планы своего семейства, мечтающего видеть его на дипломатической, военной или государственной службе. Какая служба, если на самом деле он – Король слов? Володя скромно называл себя именно так, остерегаясь, впрочем, говорить об этом в поэтических кругах, прекрасно зная, что поэты – люди горячие, особенно когда выпьют, а за снобизм вполне могут дать в морду.

С таким раздвоением личности Володе удалось просуществовать несколько лет, закончить университет, получить диплом юриста и напечататься в двух грандиозных коллективных поэтических сборниках: «Стихи бешеной собаки» и «Засахаренная крыса». Он опубликовал около 15 собственных стихотворений, которые очень хвалили окружающие – другие участники сборника. Впрочем, Володя точно так же хвалил стихи этих самых окружающих участников, хотя на самом деле их даже не читал.

Очень часто, уютно устроившись на диване где угодно (главное, чтобы не беспокоили), он предавался своей излюбленной мечте. Вот он заходит в самый модный санкт-петербургский салон, а все окружающие громко, в голос, говорят: «Вон идет Владимир Сосновский, великий писатель и поэт! Король слова!» Впрочем, то, что новые поэты не посещали петербургских салонов, заботило его мало. Мечта есть мечта. И последние годы он часто грезил только таким образом.

Вернувшись после окончания университета в родной Петербург, Володя даже и не думал устраиваться на службу и заниматься карьерой юриста. Он стал неотъемлемой частью всех литературных вечеринок в городе, и многие хорошо знали его и его стихи, ставшие частью современной литературной жизни.

Скандал разразился внезапно и быстро, как происходит всегда, и был достаточно ужасным, потому что для Володи явился полной неожиданностью. Старинный друг семьи, один из важных жандармских начальников, едва не захватил Володю в облаве, проводимой полицией в маленьких кабачках, где собирались всякие запрещенные (главным образом большевистские) элементы. От жандармов ему удалось сбежать. Но куда было бежать от собственной семьи, которая после посещения жандарма узнала весьма нелицеприятную правду об обожаемом Володе.

Мать плакала, дедушка хватался за сердце, отец сохранял зловещее молчание, и даже старший брат, знаменитый на весь Петербург кутила и повеса, принял приличествующее случаю серьезное выражение лица (хотя сам еле-еле отошел от вчерашней попойки). Семейный совет был жестоким. На нем было сказано абсолютно всё. К примеру, то, что Володя совершенно не намерен заниматься юридической карьерой.

Он твердо заявил, что будет поэтом и всю жизнь будет писать стихи. В доказательство своих слов он вручил матери поэтический сборник «Стихи бешеной собаки» («Засахаренную крысу» дать не решился) и насильно заставил прочитать его произведения, после чего мать едва не подавилась успокоительным.

На совете выяснились еще более нелицеприятные вещи – например, то, что у Володи есть достаточно много знакомых в кругах красных террористов (что для семьи было гораздо страшнее разорения и любого стихийного бедствия). Потрясенная тем, что обожаемый сын катится по наклонной дорожке и вот-вот попадет в тюрьму как бандит и террорист, мать развила бешеную активность и в конце концов заставила семью принять драконовское решение.

На семейном совете это страшное решение было подписано и утверждено властью родителей, чему Володя не мог противиться (хотя бы потому, что до того дня гениальные стихи, которые он неустанно рассылал по всем редакциям, не принесли ему ни гроша, а жить Володя привык на широкую ногу). Решение было следующим.

Родной брат Сосновского-старшего был назначен губернатором Одессы самим государем императором, и вот уже второй год неустанно служил на этом высоком посту. Родители связались с дядей, и было решено устроить Володю на должность чиновника по особым поручениям при главном полицмейстере Одессы подполковнике Бочарове, то есть в сыскную полицию. Молодой человек должен был служить под началом самого полицмейстера, совмещая в одном лице обязанности заместителя высокого чиновника и судебного следователя.

По мнению родителей, подобное начало карьеры давало для Володи серьезный жизненный толчок. А самое главное, удаляло подальше от опасных компаний кипящего революци-

онными страстями Петербурга. Как юрист Володя должен был занять свое место в полиции. Родители были твердо уверены, что в тихом южном городе никогда ничего не происходит, а значит, работы у Володи будет не много, и он вполне сможет писать свои стихи дальше – если захочет.

К огромному удивлению семьи, драконовское решение привело Володю в неописуемый восторг. Он давно уже бредил Одессой, слыша очень много об этом городе в литературных кругах. Тем более, что в Одессе бывал сам Маяковский! Радовала Володю и перспектива жизни вдали от семьи. Он мечтал о самостоятельности и свободе и свято верил в то, что независимая жизнь принесет ему успех. А потому в назначенный день и час Володя Сосновский сел в поезд, чтобы отправиться в Одессу под теплое крыло дяди-начальника.

Он был так возбужден, что даже не мог спать. Под стук колес буквы складывались в слова. Захватив тетрадку и угольный карандаш, Володя пытался записывать то, что получалось.

Получалось не очень, но это не особо его печалило. Он свято верил в то, что вот в Одессе как раз и начнет писать великие стихи, которые никуда от него не денутся. Недаром он – Король слова!

А пока вдохновение не пришло, Володя выводил угольным карандашом корявые строчки. «Ты – желтая распухшая луна, я – твердый гвоздь, вонзающийся в желтую мякоть...» Потом зачеркивал, бормотал: «Нет, это пошло» и начинал по-новому: «Ты – зеленая луна, я – гвоздь над желтым светом расплавленной мякоти...»

Процесс невероятно увлекал, и Володя чувствовал огромный прилив сил. Поезд, стуча колесами, вез его к неизвестному одесскому будущему.

Сквозь плотный туман никто и не заметил, как наступил рассвет. Тускло горящие фонари были похожи на размытые желтые пятна, не освещающие ничего вокруг. Тонкие лучи света поглотила белесая плотная пелена тумана. Туман пришел с моря.

Дерибасовская стала пустынной. Лишь несколько редких прохожих, загулявших в веселых городских кабачках, ускоряли шаги, стремясь поскорее забраться в тепло, потому что вместе с туманом с моря пришел холод. Те, кто еще уверенно держался на ногах, старались идти быстрее, поближе к середине улицы, опасаясь воров, прятавшихся в темнеющих подворотнях. Но в этот тихий, почти мертвый час не было и воров. Гасли ночные фонари, а витрины кафе-штанганов, работавших всю ночь, закрывались ставнями и решетками.

Город погружался в сонную дрему самого тихого ночного часа. Это было единственное время суток, когда Дерибасовская казалась пустой, застывая в сонном оцепенении, чтоб затем снова возродиться к бурной ночи.

Двое пеших жандармов шли посередине улицы, представляя нечто вроде патруля. На самом деле их ночное дежурство было закончено. Шли они в казармы, прекрасно зная, что в этот час никогда и ничего не происходит. Их шаги глухо печатались на булыжниках мостовой и раздавались эхом на пустынной улице.

Так, двигаясь быстро и почти не переговариваясь, жандармы шли по Дерибасовской к углу Преображенской, откуда оставалось лишь несколько кварталов до казарм, расположенных на Софиевской, внизу. Поравнявшись с Горсадом, закрытым в это время, жандармы чуть замедлили шаг, разглядев темную тень ночного пьяницы, привалившегося к решетке.

– Эй, глянь за сюда! – Один из жандармов лениво толкнул своего спутника локтем. – Пьянчужка из подворотни вывалился! Давай погоним, или как?

– Оно тебе надо? – Второй так же лениво пожал плечами. – Толку-то с него? Наверняка и пары грошей не наберется за штраф. Не тот фасон! А нам возиться.

– Ну, тоди заодно. Хотя за начальство – может быть шухер – помнишь, шо пьянчужка, которого мы в прошлый раз упустили, был какой-то важный за политический швицер.

– Да брось! – Жандарм откровенно зевнул. – Это было раз. Хочешь сказать, пьянь под решеткой Горсада важная птица? Не смей мои тапочки! Пошли лучше спать.

– Ну давай хоть турнем! Шоб он так жил, как мы будем за это смеяться! Когда свалится с перепугу – за наш шухер! Хоть посмеемся... Или?

– Ладно. Но только если не за долго.

Жандармы не торопясь изменили направление и пошли напрямиком к решетке Горсада, где виднелась неподвижно застывшая тень человека. Приближаясь, служивые приняли бравый, залихватский вид. И любитель гонять загулявших пьянчужек неожиданно рывкнул во всю силу своих легких.

– Здесь не стоять! Не положено! Здесь не тут!

Это было действительно так неожиданно и громко, что из подворотни напротив, через дорогу, вылетел беспризорный мальчишка, спавший в парадной на ступеньках, и пулей полетел через всю улицу. Но человек возле решетки даже не пошевелился, не сдвинулся с места. Тут только жандармы заметили, что руки его широко раскинуты в стороны и словно цепляются за прутья, а голова безвольно опустилась на грудь.

– Эй ты! А ну смотреть, когда за тебя разговаривают! – Для острстки жандарм даже ткнул мужчину в плечо, как вдруг...

Первый из них застыл на месте, широко раскрытыми глазами уставясь на страшное зрелище. Второй же издал нечто вроде утробного горлового звука – так воют дикие животные в момент паники или необъяснимого страха. И было от чего: на решетке Горсада висел труп. Более того: этот труп был привязан веревками к решетке так, что ноги его не доставали до земли, а руки были широко раскинуты в стороны. Страшная поза напоминала позу распятого Христа.

Лицо мужчины представляло собой застывшее кровавое месиво, где все черты были изуродованы. А на руках, привязанных к решетке, не было пальцев – они были отрезаны. Определить его возраст по разбитому лицу было невозможно. Можно было только судить о положении этого человека по его одежде – темному сюртуку из довольно дорогой шерсти и промокшему от крови контрабандному шейному платку. Сюртук был расстегнут. Белая рубашка была порвана в клочья, и клочья этой одежды представляли собой сплошное кровавое месиво, покрывавшее всю верхнюю половину тела.

– Господи... Святые угодники... – Оба жандарма изменились в лице. Посерев от страха, они жались друг к другу, словно стремясь спрятаться, защититься от страшного зрелища. Но зрелище было здесь, оно оставалось неизменным, наводя жестокий, ничем не объяснимый ужас.

Любитель пугать пьянчужек толкнул своего спутника:

– Беги за помощью. Зови наших – за Преображенскую кого-то, там должны быть. А я покараулю здесь.

Предложение не надо было повторять дважды. Перепуганный жандарм бросился бежать по улице со всех ног. Оставшийся возле трупа повернулся спиной, так, чтобы больше его не видеть, и неподвижно застыл, глядя в одну точку прямо перед собой.

Ночные фонари светили совсем тускло. Свет еле-еле пробивался сквозь хлопья густого тумана, покрывавшего землю. Глядя на расползающийся по бульжникам мостовой туман, жандарм думал о том, что служит вот уже четыре года и видел многое... Но подобного он не видел никогда.

Туман – это было первое, что увидел Володя Сосновский, ступив на одесскую землю. Морщась, он пошел по перрону, стараясь держаться бодро и еще не зная, как с этого момента непоправимо изменилась его жизнь.

Вместо дяди Володю встречал бравый прапорщик, отпрапортовавший бойко, но неразборчиво, что высокоблагородие велели молодому человеку поехать с ним. Путешествуя, Володя чувствовал небывалый прилив сил, сна не было ни в одном глазу. Но едва поезд прибыл к месту назначения, как на него разом навалилась усталость, словно пытаясь своей пудовой тяжестью пригвоздить к земле. А веки стали падать вниз, как будто действительно налились свинцом. Володя попытался взять себя в руки и взбодриться от холодного воздуха, но это помогло мало. Он пошел за прапорщиком, чувствуя, что засыпает на ходу.

– Куда мы поедим? – Володя был твердо уверен, что отвезут его в дом к дяде, где он сможет привести себя в порядок и немного поспать. Но прапорщик бодро отпрапортовал:

– Велено доставить ваше благородие в участок. Там вас ждут.

Усаживаясь в пролетку, Володя со злостью думал об этой досадной помехе в виде свалившейся на него поездке в полицейский участок. Не заставят же его, в самом деле, работать в день приезда! Тогда к чему этот цирк? Раздражение немного помогло прогнать сон. И когда пролетка остановилась, Володя был уже спокоен и зол.

В окружении жандармов по каменной лестнице главного входа спускался высокий представительный пожилой мужчина в мундире. Рядом с ним – жандарм чином пониже, который все говорил ему что-то и говорил.

– Господин Сосновский, рад, что вы готовы приступить к службе. Я ваш начальник, подполковник Бочаров. Ваши вещи отнесут в мой кабинет, вас я попрошу поехать со мной.

– Куда мы поедим? Я только с вокзала... – начал было Володя, но Бочаров, не слушая его, решительным шагом направлялся к карете. – На место преступления, – бросил он через плечо.

Труп лежал на земле, полностью скрытый под грубой холстиной, а место преступления было оцеплено жандармами. При виде такого количества жандармов и высоких чинов из полиции редкие прохожие, уже появляющиеся на улице, заметно ускоряли шаг. Бочаров решительно направился к трупу, возле которого хлопотал судебный медик. Володя, чувствуя легкую дурноту, плелся следом за ним.

– Докладывайте, – бросил Бочаров, и судебный медик приподнял холстину. При виде того, что скрывалось под ней, у Володи закружилась голова.

Он чувствовал себя так, словно весь его мир разом рухнул, оставив вместо себя почерневшие, чудовищные руины. И дело было даже не в ужасающем виде трупа, который выглядел отталкивающе и страшно. А в том, что Володя никогда не видел так близко смерть и не думал, что смерть может быть такой – одновременно будничной и страшной. Прежние представления о жизни вдруг стали таять, как мыльные пузыри, растворяясь прямоком в воздухе. И впервые в жизни Володя почувствовал, что писал стихи, ничего не зная о жизни и даже не догадываясь о том, что жизнь бывает такой.

– Убитый – мужчина между 50-ю и 60-ю, судя по одежде, принадлежал к состоятельному сословию, – бубнил судебный медик, – труп после наступления смерти привязали веревками к решетке.

– Как он был убит? – спросил Бочаров.

– Судя по признакам первичного осмотра, ему перерезали горло. Более точно причину смерти определит вскрытие. Повреждения на теле были нанесены после смерти. Лицо после смерти разбили тяжелым предметом – металлическим или деревянной дубиной. По всей видимости, чтобы его нельзя было опознать. Так же после смерти были отрезаны пальцы на обеих руках и нанесена рана на животе.

– Что за рана на животе? – нахмурился Бочаров.

– Ему вскрыли брюшную полость вертикальным разрезом и удалили внутренние органы. Если говорить по-простому, его выпотрошили, как мясную тушу на скотобойне. Желудок, кишечник... Всего этого нет.

– Разрез медицинский?

– Нет. Судя по всему, резал не медик. Разрез несколько сдвинулся в сторону, так как первоначально убийца зацепил ребра, а потом продолжил резать уже в другом месте.

– Этого нам только и не хватало... чокнутый убийца, – пробормотал Бочаров. – Что у него в карманах?

– Бумажные деньги, платок. Никаких документов и записок нет. На правой руке убитого – золотой браслет с инициалами Б. К.

– Золотой браслет? – насторожился Бочаров. – И убийца его не взял?

– Нет. И деньги тоже. У него в обоих карманах денег рублей 50. Немалая сумма. И убийца их оставил.

– Значит, убили его не ради ограбления.

– Какое уж тут ограбление! – хмыкнул медик. – Станет грабитель так разделяться с трупом! Кстати, есть один очень интересный факт: судя по первичным признакам, он мертв дней пять, не меньше. Тело заостенело характерным образом, видны начальные следы разложения. Но, судя по отсутствию трупного запаха – вернее, запах выражен меньше, тело, похоже, держали в каком-то холодном месте, например, в подвале, что позволило ему хорошо сохраниться. И до того момента, как его подвесили, суток пять он пролежал там.

– Ладно. Можете забирать в анатомический театр для вскрытия, – распорядился Бочаров, и возле тела тут же засуетились жандармы, которые под руководством медика стали заворачивать тело в холстину и укладывать на телегу.

Сделав знак Володе следовать за ним, Бочаров уселся обратно в карету и скомандовал:

– В участок.

Всю дорогу Володя молчал. Его била нервная дрожь, и он пытался скрыть эту слабость любым образом. Но его серая бледность сразу бросалась в глаза.

– Вы не привыкли к таким зрелищам, – усмехнулся Бочаров.

– Не привык, – признался Володя.

– Признаться честно, я тоже. Давно такого у нас не было. У нас всё было по-другому. Другие преступления, другие убийства. А это какая-то непонятная, необъяснимая жестокость. И это ставит в тупик.

– Это мог сделать только сумасшедший.

– Возможно. Но вы представляете, как теперь его искать, этого сумасшедшего, да еще в городе, где люди способны на всё? Нам предстоит нелегкие дни. Поэтому сразу приступаем к работе. А перед дядей вы успеете за нас заступиться потом.

В коридоре участка был слышен грохот, словно кто-то колотил кулаком. Остановившись, Бочаров нахмурился.

– Что происходит? Доложить!

Молоденький пристав вытянулся в струнку.

– Так скототорговец бушует! Тот, который пальцы за суп нашел. Вторые сутки бушует. Хипиш такой – земля трясется!

– Вы его не выпустили?

– Никак нет! Вы сами велели не выпускать, пока того, чьи пальцы, не найдут!

– Уже нашли. Вот что – ведите-ка мне этого скототорговца, побеседуем за жизнь. С чего-то ведь надо начинать, или как?

По дороге к кабинету Бочаров кратко рассказал Володе о человеческих пальцах, найденных в супе и в пирожках на Привозе.

– Похоже, мы нашли того, чьи пальцы. А скототорговца придется выпускать.

– Он-то тут при чем? Зачем вы вообще его задерживали? – удивился Володя. – Ему же просто не повезло!

– Это мне не повезло! – хмыкнул Бочаров.

Глава 3

Таня. Прошлое в одесском дворе и настоящее на Молдаванке. Молдаванка – история и реальность. Работа по-одесски

Жесткий валик царапал ткань, и Таня поняла, что скоро это будет заметно. Впрочем, на ткани купчихи ей было плевать. Известковая вода оставляла на пальцах белые разводы, и после стирки у Тани очень сильно болели руки. Эту боль было трудно унять.

В Одессе всегда не хватало воды. А потому процесс стирки превращался в мучительную и долгую процедуру, когда лохань заполнялась до предела бельем, а воду брали частично из редких колодцев, а частично – из источников-солончаков, вода из которых, не пригодная для стирки, разъедала и руки, и ткань.

Во дворе купчихино дома, где был один-единственный колодец, четыре прачки расправлялись с бельем, многократно прополаскивая его в грязноватой воде корыта, а затем сбивая валиком на жестких досках, до того момента, как на длинных веревках, протянутых через весь двор, можно будет растянуть мокрую тяжелую ткань.

Время от времени на крыльце дома появлялась купчиха и неприязненно поглядывала на процесс стирки. Чаще всего лицо ее было раскрасневшимся от горячего чая и (как подозревала Таня) вечной сливянки, хранившейся в купчихиных погребах.

Купчиха была родом из центра России, именно оттуда она привезла с собой рецепт сливянки-водки, совсем не характерной для Одессы, почти не употребляемой в этих краях. Здесь, на Молдаванке, пили либо самогон местного разлива, который изготавливали самые настоящие мастера, либо просто чистую водку, либо горилку с перцем, которую продавали в окрестных лавках. Стоила она чуть дороже обычной водки, но пользовалась неизменным спросом почти у всех сословий, во всех дворах.

Но купчиха пила сливянку. И, появляясь на крыльце, чаще всего она держала в руке соборную сахарную плюшку, крошки сладкой пудры с которой осыпались вниз и оседали на обширном купчихином животе. Купчиха была злой. Она выискивала на каждой вещи грязные пятна или выдернутые нитки. А если всего этого не было, просто так поднимала крик. И почти всегда не доплачивала пару копеек, стараясь не доплачивать особенно Тане. Если остальных троих прачек – толстых, опустившихся женщин из далекой сельской глубинки, приехавших в Одессу совсем недавно, по необходимости она вынуждена была терпеть, то местную Таню невзлюбила больше всех остальных и время от времени открыто выражала свою неприязнь.

Прачкам было под пятьдесят. Отупевшие, огрубевшие от тяжелой жизни, они ограничивались лишь несколькими словами, которые служили для них связующим звеном между купчихой и приказчиками грошовых лавок, которых было очень много в окрестностях. Оказавшись в Одессе недавно, они так и не пришли в себя от шумной и не похожей ни на что жизни, без предупреждения обрушившейся на них в их новых домах. Их мужья, дочери и сыновья работали на фабриках, которыми совсем недавно застроили все окрестности Одессы. Были прачки из числа сельских батрачек, которые вместе с мужьями после открытия на Молдаванке железной дороги хлынули в быстро разрастающийся город в поисках лучшей жизни. Но не нашли ничего лучше открывшихся перед ними бедняцких предместий, а потому надолго там застряли.

А Тане было восемнадцать. И одного этого было достаточно, чтобы купчиха возненавидела ее всем своим расчетливым сердцем. Тоненькая, изящная, с лучистыми карими глазами и медовым блеском темно-каштановых, почти черных волос Таня изъяснялась не только грамотно, но и разумно, чем разительно отличалась от обыкновенной жительницы городских предместий, вышедшей из низин городской бедноты. В разлете бровей, в гордой осанке ее тонкой фигуры, в надменном, но в то же время грациозном повороте головы было что-то такое, что поневоле приковывало к ней взгляды, заставляя всех чутко реагировать на ее присутствие. Сама же Таня не особо задумывалась о том, что так сильно отличается от всех остальных.

Итак, ей было 18 лет. Но в свои годы Таня чувствовала себя гораздо старше других прачек, работавших у купчихи. Два раза в неделю, по вторникам и четвергам, она стирала во дворе купчихи белье. Таня твердо знала, что купчиха ее не любит, а потому постоянно недоплачивает копейки. Копейки, которые были необходимы ей как воздух, как кровь, текущая в ее жилах, как сама жизнь.

Мечтать Таня не умела. Жизнь слишком рано отучила ее от этой пагубной привычки. Все девичьи мечты Тани закончились в один-единственный день – когда торговец полотном, владелец доходного дома по Старопортофранковской улице, выгнал ее с большой бабушкой из маленькой уютной квартирки во флигеле. И все было просто: за квартиру больше нечем было платить.

В этих совсем небольших, но уютных комнатах, выходящих в заросший кустами и деревьями дворик, прошло детство Тани. Там она прожила всю свою жизнь. Оттуда ходила в первые классы церковно-приходской школы. Там переживала сложный процесс взросления и первую любовь. В этом дворике весной отмечали ее день рождения.

Бабушка и соседка тетя Песя выносили во двор столы, и все соседи несли различную снедь, ароматы от которой сказочным облаком поднимались в воздух. И на всех хватало и фаршированной рыбы, и жареных цыплят, и медовых пряников, и слоеных пирожков, под которые до самой ночи пелись развеселые одесские песни. И подарки, целая гора подарков для маленькой Тани, сразу от всех соседей – разноцветные картинки из картона, которые можно было раскладывать в разные стороны, мягкие котята из шерсти, заводная утка, которая ездил по двору на огромных деревянных колесах, громыхая разбитым жестяным боком, и ленточки, и отрезки на платья, из которых бабушка шила потом самые невероятные, самые прекрасные наряды в мире...

Все закончилось год назад, ледяным днем ранней осени, когда с моря пришел ветер и накрапывал дождь, а торговец полотном с подсобным рабочим выбрасывали во двор из флигеля их вещи. И выцветшие дешевые ленты Тани, безвольно повиснув на кусте сирени, были похожи на непролитые слезы. Это были осколки детства. Они вонзились в разбитое сердце Тани и остались в нем незаживающими кровавыми ранами.

И за целый год, который они с бабушкой прожили в самом сердце Молдаванки, в совершенно другом районе, шрамы в Танином сердце не только не затянулись, но наоборот, стали заметнее и глубже. Несмотря на то, что комната, которую удалось снять Тане, была достаточно просторной, с каменными стенами (что для Молдаванки представляло настоящую роскошь) и двумя большими окнами, выходящими в темноватый двор, привыкнуть к своему новому жилищу она так и не смогла. Более того: Таня изо всех сил возненавидела его, при этом внешне стараясь никак не показывать этого, лишь загоняя эту ненависть как острую занозу в самые глубины своего сердца.

Молдаванка стала единственным местом, способным их приютить. Несмотря на бедность, людскую скученность и тесноту, это был самый знаменитый район Одессы. И конец Запорожской улицы, где Таня оказалась вместе с бабушкой, она знала прекрасно, ведь это было совсем близко от Госпитальной улицы, где находилась самая знаменитая больница Одессы – построенная в 1870 году Еврейская больница. А именно туда жизнь приводила Таню не раз.

Несмотря на славу, которую успел заслужить этот район Одессы, никто так никогда и не узнал, откуда возникло название Молдаванка – в месте, где молдаван, в общем-то, почти и не было.

Впервые в официальных документах Одессы Молдаванка появилась в плане 1814 года, где было упоминание о небольшом молдавском поселении в районе Косвенной улицы. Впрочем, наряду с этим упоминанием в плане тут же появилась приписка о том, что вместе с молдаванами это поселение населяют представители и других национальностей, в частности, украинцы, евреи и греки, которых по переписи было намного больше, чем самих молдаван.

В 1817 году, когда Одесса получила официальный статус «порто-франко», новый район сразу же стал невероятно многолюдным – в частности, благодаря трем большим удобным дорогам, которые соединяли Одессу с тремя соседними губерниями (к примеру, с Бессарабией), а также с важными для торговли и развития города районами сельской местности.

Неизвестно, как и когда это произошло, но остатки молдавских поселенцев полностью исчезли из нового района (в котором больше никто и никогда не слышал ни о каких молдаванах), а их место заняли представители самой отчаянной прослойки населения Одессы – морские контрабандисты, в лабиринтах Молдаванки устраивающие свои многочисленные склады.

Статус вольного города с процветающей торговлей привел к тому, что сюда в поисках легкой добычи сразу же хлынули проходимцы всех видов и мастей, любители веселой жизни и авантюристы. И в те годы не существовало добычи надежнее и богаче, чем контрабанда морем, все более процветающая и развивавшаяся по мере укрепления и расширения морской торговли. Порт сразу стал центром торговой жизни Одессы. А контрабандисты – тенью этой процветающей жизни, оборотной стороной медали. Именно расцвет такой незаконной торговли морем и привел к тому, что новый район необычайно расширился и стал активно застраиваться.

На окраинах Молдаванки, располагавшихся ближе к центру города, сразу же стали открываться многочисленные трактиры, кабаки, дома терпимости и рынки, которые создали славу нового района как необычайно веселого и скандального места. Впрочем, так длилось недолго. Процветая и богатея, контрабандисты со временем переселялись с Молдаванки в другие районы города, а владельцы заведений переносили свой процветающий бизнес поближе к центру.

В 1826 году она окончательно вошла в пределы города, получив официальный статус района Одессы. Границы этого района каждый раз определялись по-разному – иногда они про-

ходили по Балковской улице, иногда – заканчивались на Старопортофранковской. Но сердце Молдаванки – такие улицы, как Мясоедовская, Госпитальная, Запорожская, Сербская, Степовая, Косвенная, Малороссийская, – оставалось неизменным. Это сердце билось в своем особом ритме – часто совсем не в унисон с общим сердцем большого портового города.

Как уже упоминалось, примерно в середине XIX века по Молдаванке прошла железная дорога и были построены важные железнодорожные станции, что послужило толчком не только для развития промышленности и торговли, но и влило в знаменитый район так называемую «новую кровь». По железной дороге в город устремились толпы сельских батраков, которые покидали села в поисках лучшей городской доли. Оказавшись в пределах Молдаванки, они часто оставались там, постепенно превращая прежде процветающий район в место проживания городской бедноты.

Одесса переживала промышленный рост, и Молдаванку тут же окружили многочисленными артелями, заводами и фабриками, на которые и устраивались работать новоприбывшие в город из сельской местности. Так здесь возникла еще одна, рабочая, прослойка, которая стала со временем довольно многочисленной. В районе стало тесно.

Большая скученность населения привела к тому, что существующие дворы и дома стали достраиваться самым невероятным образом. Появились многочисленные пристройки, веранды, чердаки, разрастающиеся вширь и вглубь. К домам пристраивали хибарки из картона и фанеры, коридоры расширялись деревянными верандами, к каменным этажам пристраивали дополнительные этажи из досок и кирпичей. Всё это были жилища бедняков – узкие, бедные домики невероятной конфигурации, черные от копоти, громоздящиеся в переулках и дворах, утопающие в непролазной грязи.

Застройка Молдаванки никогда не контролировалась городскими властями. В этом районе попросту не существовало единого плана застройки. И такое хаотичное возведение строений привело к тому, что Молдаванка превратилась в самый настоящий лабиринт дворов. И ориентироваться в этом лабиринте не мог никто, кроме местных жителей.

Очень скоро к местным беднякам на Молдаванке добавились еще одни обитатели, которые сразу и прочно вписались в историю города и с тех пор всегда существовали рядом, бок о бок с местными жителями. Это были знаменитые одесские коты. Они быстро заполнили лабиринты улиц Молдаванки и сразу же стали королями каждого дворика и дома, чувствуя себя там воистину по-королевски. Щедрые хозяйки в любое время дня и ночи подкармливали всем чем угодно пушистых обитателей, навсегда воцарившихся в облюбованных местах.

Люди и коты не мыслили своего существования друг без друга, и часто в самой убогой хибарке или комнате жил кот (или даже несколько котов), которых щедро кормили всем двором.

Каждое утро на Молдаванке начиналось с непередаваемых диалогов, несущихся из открытых окон. Это было похоже на огромную разноцветную картину, почему-то повешенную вниз головой. Слова неслись отовсюду, и казалось – пестрая радуга встает над Молдаванкой.

– Мойше, а ну беги до кушать! Наче сказывся, шлимазл! Не наматывай язык на мои нервы! Мама хочет кушать, а не слушать!

– Мамаша, не скворчите зубами – юшка простынет!

– Засохни глазом, шоб уши не завяли! Шо за ребенок – не ребенок, а кладь шухеров! Швыдко до мене, мама делает бикицер!..

На первом этаже переговаривались две соседки:

– Ой, Софа, вы таки хозяйка, окна моете, а то уже соседям не видно!

– Фира, замолчи свой рот на уши и не делай мне в голове жопу! Лучше расскажи за Мончика, шо он сказал за того хранцуза?

– А шо Мончик мог сказать за того хранцуза? Это за везде он хранцуз, а в Одессе – еле еле поц...

Вся жизнь Молдаванки проходила во дворе.

– Сема, где вы пошли? Я за шо спрашиваю? Сема, шо вы вцепились в эту рибу, как монах в первую брачную ночь? Обжирон не повод выставляться! Бедная риба удавилась от ужаса, увидев ваши гнилые зубы!

– Ой, Изя, не хипишите, не то подавитесь! Я таки не заговариваю за ваш склероз! Я бы мог рассказать такое... Но эти слова просто не могут выйти из мой рот!

– Сема, ты имеешь миня за полного адиёта? Ви же халамидник, где вы взяли за такую шикарную риба?

– За Привоз цену унизили! Но ты не добежишь, бо ноги отваялятся, як холоймес на шухере!..

Коренные местные жители – потомки населения Молдаванки с самого ее возникновения – не спешили устраиваться на заводы и фабрики, предпочитая зарабатывать на жизнь совершенно другим. И несмотря на то что ремесло их было довольно опасным и очень рискованным, в то же время оно считалось почетным и вполне достойно воспринималось обществом.

А потому Молдаванка стала центром всевозможных мошенников, аферистов и воров, стремящихся заработать себе на жизнь с наибольшей выгодой и меньшими затратами, которые считали, что виселица и тюрьма это что-то вроде издержек опасного производства.

Очень скоро на Молдаванке выросло поколение молодых людей, считавших воровство, грабежи и разбой почетным ремеслом, вполне достойным права на существование. С пеленок навсегда отвергнув от себя страх перед наказанием и тюрьмой, в узких лабиринтах Молдаванки выросло отчаянное поколение головорезов. И даже матери не считали зазорным, если их сын делал, так сказать, карьеру в криминальном мире и благословляли сына-налетчика перед походом в налет или на разбой. В этом существовала суровая социальная справедливость.

Самые сообразительные и храбрые сколачивали банды, которые в центре города занимались налетами и нападали на зазевавшихся состоятельных прохожих, а также проворачивали всевозможные мошенничества и аферы. Единственной бедой была полная разобщенность таких банд. На каждой улице существовала своя банда, а в банде – свой собственный король. И все эти новоявленные короли Молдаванки без устали воевали между собой.

Но если у мужчин был хоть и небольшой, но выбор, то для женщин существовал только единственный путь. И по этому пути шли и городские, и приезжие жительницы сельской местности молодого возраста, до того момента, пока их жизнь не перечеркивал нож случайного бандита или не косила их неизлечимая болезнь.

Этот страшный путь, внешне выглядящий привлекательным и ярким в беспроглядной окружающей тьме, манил всех жительниц Молдаванки, едва они выходили из пеленок. И, как бабочки на огонь, они летели на яркий луч этого пути, даже не замечая того момента, когда привлекательный лучик превращался в адский огонь, заставляя сгорать в нем заживо, умирать в совсем молодом возрасте. Редкие же исключения – перешагнувшие 30-летний рубеж женщины были изуродованы хуже, чем ножами на фабрике. Превратившись в опустившихся, вечно пьяных старух, они занимались скупкой краденого, работали прислугой или доживали свой короткий век в какой-нибудь страшной дыре, к сожалению, так и не став предостережением для остальных.

Конвейер же ночных огней большого города работал с такой скоростью, что вышедших из строя из-за болезни или смерти тут же заменяли сотни новых, вливая в эти адские жернова свежую, еще молодую кровь.

Очень скоро Таня в попытках найти работу столкнулась с неизбежностью пойти по этому пути.

Первое, что пришло ей на ум, были швейные мастерские, в изобилии разбросанные по всему городу и на самой Молдаванке. Соседки в новом дворе просветили Таню, что такое количество мастерских обусловлено тем, что все они принимают краденую одежду у воров,

перешивают, а затем отдают в хорошее ателье в центре, чтобы продать подороже. Таню совершенно не смутил этот факт – она уже поняла, что здесь каждый выкручивается, как может. И часто криминальный путь не самый плохой для того, чтобы выжить.

Решив не приближаться к дорогим мастерским центра (все равно ее туда бы не взяли, так как шила она не очень), Таня начала с ближайших от дома – на Запорожской и Сербской. Но в первых же трех мастерских ее сразу отправили к мадам Ривке на Госпитальную. Происходило одинаково странно: на пороге появлялась хозяйка, окидывала Таню с головы до ног недобрым, пронзительным взглядом и, ничуть не интересуясь ее умением шить, отправляла к Ривке на Госпитальную.

В конце концов Таня оказалась там, где лично встретилась с мадам Ривкой – щуплой, изворотливой особой лет пятидесяти с неестественно рыжими волосами. Раскудахтавшись как настоящая наседка (и опять же не спросив про умение Тани шить), мадам Ривка усадила ее в гостиной и предложила лимонад. От лимонада Таня отказалась. Мадам Ривка велела прийти часам к 10 утра да одеться понаряднее. Зачем – Таня не поняла.

Но ровно в 10, надев свою лучшую блузку с желтыми французскими кружевами, Таня уже сидела в гостиной мадам Ривки, где та заметила, что в своей блузке Таня похожа на гимназистку и что ей следует одеваться поярче, например, в красное. О шитье опять-таки не было сказано ни слова.

Таня все поняла около 11 часов, когда возле лавки мадам лихо остановился черный лакированный экипаж с двумя орловскими рысаками, стоящими немалые деньги. Все это Таня определила на глаз, выглянув в окно.

– Ты слышала за Яшку Чалого? – прищурилась мадам Ривка. – Это король Молдаванки. Он держит всю Госпитальную и часть Привоза. Там, внизу, его большой человек. Поедешь с ними за свое счастье. Они отвезут тебя в один дом, и, если ты понравишься, будешь получать очень хорошие деньги. Ты слышала за заведение Лейбмана на Николаевском бульваре? Это не заведение, а шик! Наматывай за уши, пока от шухера не отвалятся! Если все пройдет хорошо, заработаешь за такие деньги, что не раз вспомнишь добрым словом за бедную Ривку с Госпитальной! Разбогатеешь! Зуб даю. Шоб мне пусто было!

– А с чего вы взяли, что я туда поеду?

– Нет, вы только посмотрите за нее! Они мне делает химины куры! А куда еще тебе ехать? Я предлагаю тебе за заведение Лейбмана на Николаевском бульваре! А она нос воротит! Тоже мне, в пальте швицер! Да тебе просто повезло, что им новая девушка нужна!

– Я пришла не для этого, – вспыхнула Таня. – Я искала работу в швейной мастерской, а не в публичном доме!

– Нет, она твердо решила делать мне нервы! – Ривка даже руками выплеснула. – Засохни глазом, шоб уши не завяли! Зачем тогда ты за мне пришла? Разве ты не знаешь, что лучше меня никто не устроит девушку за хороший дом? Разве тебе это не сказали? Вся Молдаванка знает, что я работаю под Яшкой Чалым! А ты сидишь тут и делаешь мне нервы! Шото мне не нравятся за твои намерения, или как? Ты шо тут, круче Яшки Чалого?

– Я устраивалась шить, – стояла на своем Таня.

– Ой, как оно мне! Ты серьезно хочешь исколоть иголкой за эти нежные пальцы? И кому ты тогда будешь нужна? Тогда тебя не возьмет ни один приличный дом! Сгноишь себя в полтиничном заведении для солдатни! Не делай всякие глупости, поезжай за человеком Яшки, я за тебя, дуры, стараюсь! Не морочь мне модебэйцелы!

Таня решительно направилась к выходу. Мадам Ривка остановила ее у порога.

– А ну где стой! Ты девственница, или как?

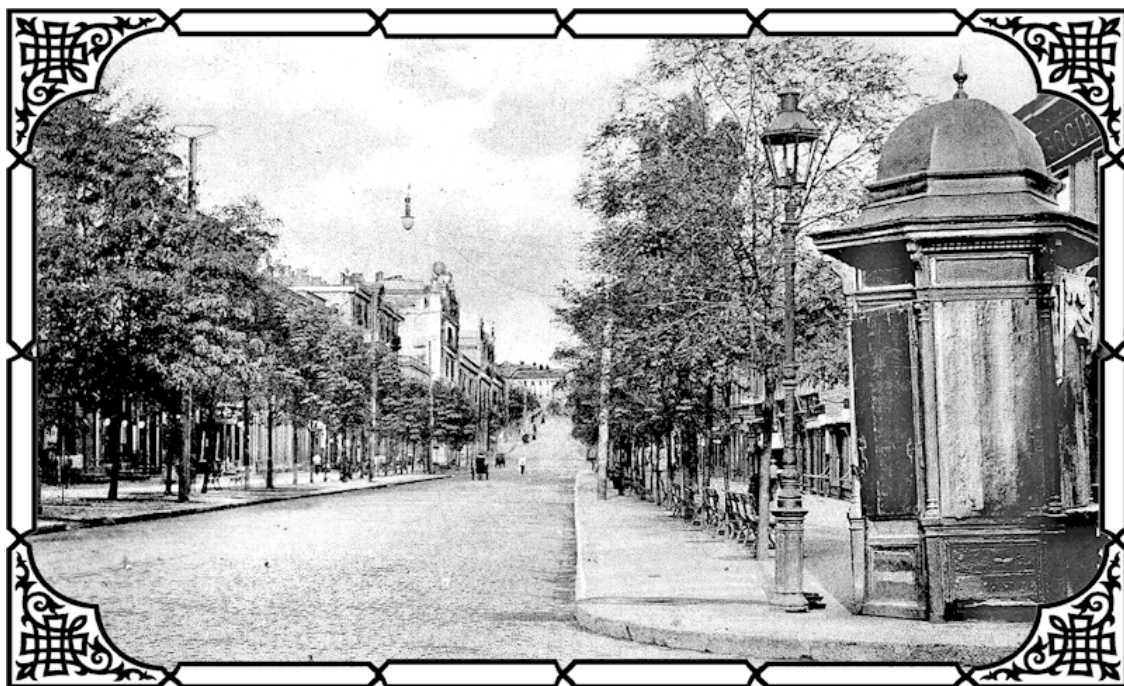
– Какое ваше дело?

– Если так – совсем другие деньги, таки да! Шо ж ты не за то разговор начала?

Но Таня, не отвечая и больше не оборачиваясь, уже летела вниз по лестнице, слыша за собой жалобные причитания мадам Ривки, которая выла в голос, что бессовестная девка ввела ее в настоящий расход. Таня быстро шла по улице, и ее словно жгли нарядные кружева единственной выходной блузки, в которой она выглядела предательски хорошенькой, так что мужчины оборачивались ей вслед.

Глава 4

Дерибасовская для девушек с Молдаванки. Знакомство с миром «королей». Болезнь бабушки. Гека из банды Корня

С тех пор Таню пытались продать все, кому не лень, на любом месте найденной ею работы. Очень скоро она поняла, что все швейные мастерские и галантерейные лавчонки не только перешивают и продают краденое, но и занимаются совсем другим, главным делом – торговлей живым товаром. А все остальное – просто прикрытие.

В каждом магазине, куда заходила Таня, приказчик вежливо сводил ее с хозяйкой, а уж та с ходу предлагала ей принимать мужчин – иногда прямо в кабинете за лавкой, иногда – в каком-нибудь заведении, в котором у хозяйки лавки были связи, а иногда – даже стоять на улице, рядом с самим магазином.

Никому не приходило в голову, что девушка ее возраста и внешности может хотеть заниматься чем-то другим. На Таню смотрели как на сумасшедшую, втолковывая все выгоды, которые принесет новое положение. Никто даже не догадывался, что и думать о таком она не могла. Намного привлекательнее панели для Тани выглядела веревочная петля – но даже на это она не имела никаких прав, так как оставить бабушку одну не могла.

Иногда предложения торговать собой поступали сразу же, в первые же минуты. Иногда Тане удавалось продержаться дольше – например, неделю, до того момента, как хозяева подступали к ней с этим предложением. Таня отказывалась. Ей платили заработанные гроши или не платили их вообще и выгоняли вон, внятно разясняя, что считают ее чем-то вроде городской сумасшедшей. И действительно: в районе Молдаванки не было ни одной девушки, которая работала бы на фабрике, в магазине или швейной мастерской. Для девушек ее возраста, даже менее красивых, чем Таня, существовал только один выход – либо заведение, либо улица. Третьего было не дано.

Однажды Таня почти десять дней продержалась, работая официанткой в трактире на Косвенной, в районе Староконного рынка. За эти дни большую часть воров и мошенников она узнала в лицо. Королем района Староконки был Васька Жмырь, черноволосый цыган с выбитым передним зубом. В первый же день работы он попытался пристать к Тане, но она так повела себя с ним, что Васька тут же проникся к ней глубочайшим уважением и объявил себя кем-то вроде ее защитника. Но и он не оставлял попытки устроить для Тани «лучшую жизнь».

– Давай я устрою тебя за приличное заведение, – говорил Васька. – Хозяйку прижму к ногтю, работать будешь пару дней в неделю, клиентов сама выбирать. Заведешь хорошие деньги и бросишь все к чертовой матери. Решайся. Все делают гешефт, или как?

– Я – не все, – отрезала Таня, таская тяжелые подносы с едой, всем своим видом показывая, что не желает продолжать разговор. Но Васька не отставал.

– Погубишь ты себя. Красивая ведь, молодая девка. Себя погубишь! Как пить дать сгноишь! Не хочешь со мной – не надо! Другого найди! За такого фраера – шоб земля обломиться! Да ты должна вертеть мужиками, как куклами на веревочках, а ты крутишься здесь, как последняя дура. Спину рвешь. Да возьми ты себя в руки! Девчонки и похуже тебя такую карьеру делали. Есть шо посмотреть.

– Не хочу я такой карьеры! Не хочу – и всё.

– А хочешь – через пару лет сама за хозяйку станешь, выкупишь заведение, свои порядки заведешь, вроде как не тут. Подумай! Будем посмотреть!

– Нет. Не приставай ко мне, Васька. Обломись. Сказала нет – так нет.

– Шо, за любовь у тебя была несчастная? Из-за любви не хочешь? Да плюнь ты на него!

– Васька, отлезь! Не морочь мне голову!

– Пропадешь ты, как пить дать. Пропадешь, а хорошая ведь баба! – вздыхал Васька.

Через десять дней на спуске к Балковской банды Чалого и Жмыря делили очередной кусок территории. Произошла перестрелка, в ходе которой полегло много бандитов. Яшка Чалый был ранен, но выжил. Убит был Васька Жмырь. Узнав о смерти Васьки, Таня даже расплакалась, так как этот странный бандит, король рыночных карманников, конекрадов и воров, по-своему был ее другом. По крайней мере, его, так же, как и бабушку, беспокоил вопрос о Танином будущем – вопрос, который больше не волновал никого во всем мире.

Узнав о смерти Жмыря, Таня пошла в Преображенский собор, чтобы поставить за упокой свечку, и долго плакала в тишине собора, под строгими ликами темных святых со старинных икон. Тане казалось, что святые с икон смотрят на нее осуждающе и сурово – ведь она плачет о воре. Но Таня знала, что воров сделала Ваську жизнь, а под напускной грубостью бандита скрывалось золотое сердце.

После гибели Васьки банда распалась на две части. Одну часть поглотила банда короля с Пересыпи по кличке Сало, который пытался подмять под себя часть Молдаванки (по слухам, Сало с помощью своих доносчиков и стравил Чалого и Жмыря друг с другом).

Сало был жестоким, злобным типом, которого окружающие не любили и боялись. Почти сразу после гибели Васьки он явился к хозяину трактира, где работала Таня (раньше трактир был под Жмырем), и велел ему убираться, так как он, Сало, намерен забрать этот трактир себе и поставить в нем своих людей. Хозяин запротестовал, и через два дня был застрелен. После этого Сало прогнал весь персонал заведения – повара, вышибалу и трех официанток (в том числе и Таню), ничего им не заплатив. Так закончилась ее работа, которая опять-таки не принесла ничего, кроме новых разочарований и потерь.

Остатки банды Жмыря, не пошедшие под крыло Сала, влились в банду еще одного короля с Молдаванки – Корня. Тот сколотил свою банду недавно, был бандитом молодым, но энергичным, напористым, и только-только начал становиться на ноги. Корень жил на Запорожской, через два дома от Тани. Его банда могла похвалиться удачным нападением на почтовое отделение на Бугаевке и налетом на дом мясоторговца и колбасного короля Когана на Софиевской

улице. Денег все это принесло не много, но имя Корня загремело по всей округе – особенно после того, как место Яшки Чалого, которого погнали из королей, занял авторитет по кличке Красавчик, который сразу же, после коронации, проиграл Корню в карты один из хороших домов в районе Привоза, долгие годы контролировавшийся Чалым.

Для короля нет ничего страшнее насмешек. После такого позора над Красавчиком стали смеяться, и он канул в лету, исчезнув с карты криминальной Молдаванки. Корень же, не занимающийся домами терпимости, перепродал контроль над домом авторитету по кличке Калина, который работал в районе Привоза, что еще больше подняло активы Корня среди тех, кто его знал.

После трактира Таня искала любую работу – в том числе и прислугу, но на Молдаванке мало кто держал в доме прислугу. Ну а в тех домах, где все же держали, все места были заняты. Таня съездила в центр города, на Ришельевскую, где находилось крупное агентство по найму прислуги. Услугами этого агентства пользовались все богатые дома Одессы. Но надменная конторщица отказалась даже записать данные Тани, заявив, что они не ставят людей на место без рекомендательных писем. А рекомендательных писем у Тани не было.

Тогда конторщица заявила, что слышала об одной вакансии в швейной мастерской – у мадам Ривки, на Госпитальной улице... И если Таня хочет, она может записать ей адрес...

Последние гроши, заработанные еще в трактире, стали подходить к концу. Впав в некое подобие оцепенения, Таня сидела у окна комнаты, выходящей в тесный застроенный двор, и неотрывно смотрела на булыжники мостовой и на двух толстых рыжих котов, развалившихся на ступеньках крыльца.

Прямо напротив, достаточно близко, в комнате с каменными стенами, вместе со своей матерью Софой жили две сестры – Ида и Циля. Софа торговала лимонами на Привозе, а Ида и Циля были уличными и каждый вечер выходили на Дерибасовскую, где в толпе других девушек с Молдаванки охотились за мужчинами.

В деревянной пристройке слева жила семья бывших батраков, приехавших из бессарабской деревни. Мать и отец работали на фабрике, два старших брата ушли с контрабандистами в катакомбы, и о них не было ни слуху ни духу. А дочь Катя, румяная девушка 16 лет, с месяца назад вышла на Дерибасовскую – с Идой и Цилей. В каморке напротив, еще более тесной, чем каморка бессарабских крестьян, жила очень тихая и все еще красивая девушка Лиза.

Она была старше Тани – ей уже исполнилось 20 лет, и с ней первой Таня познакомилась в новом дворе, когда пыталась прийти в себя от отчаяния, вызванного переездом.

Именно Лиза, тихая, спокойная и как будто незаметная девушка, показала Тане самые нужные места во дворе: колонку, из которой можно было набрать воды, и выгребную яму, огороженную дощатой будкой; местным жителям она служила уборной, ведь на Молдаванке уборные в домах (а тем более в квартирах) предусмотрены не были. Когда наступало теплое время года, из этой выгребной ямы шла страшная вонь, и Таня наглухо запечатывала окна, чтобы омерзительные миазмы не проникали в комнаты. Но это было бесполезно. Страшный, отвратительный запах был абсолютно всюду, и часто Таня с ужасом думала о том, что вся насквозь пропахла им.

Со временем Лиза стала лучшей подругой Тани. Тихая, молчаливая, спокойная, покорившаяся судьбе, она никогда не жаловалась на жизнь, которая, тем не менее, была для нее невероятно тяжелой. И, несмотря на свою профессию уличной проститутки, Лиза все еще сохранила свою красоту, как многие это называли – чистую, невинную красоту гимназистки, курсистки, кисейной барышни, а не девицы с Дерибасовской.

История Лизы была проста и страшна. Она рассказала ее в самые первые дни, когда Таня с бабушкой поселились на Молдаванке, – рассказала просто, как всегда говорила о своей жизни. Лиза выросла в сиротском доме. После того, как ей исполнилось 16 лет (к тому моменту она

работала в мастерской по плетению корзин), она вышла замуж за моряка – и при этом по большой любви, несмотря на то, что семья жениха была против того, чтобы он женился на сироте. Через время мужа зарезали в пьяной драке в порту – в компании приятелей с корабля он отмечал в прибрежном трактире успешное возвращение из рейса. К тому моменту Лиза была беременна. Ее сын умер во время родов. Семья мужа выгнала несчастную из дома. Похоронив ребенка, она очутилась в доме терпимости в центре города, откуда ее вскоре прогнали, заменив другой, более красивой и молодой девушкой. С тех пор Лиза жила на Молдаванке, снимая комнату и работая на Дерibasовской, – так же, как и все остальные девушки. Другой жизни для нее не было.

На втором этаже, над комнатой Софы, жили сразу три девушки – Груша, Фира и Ада. Все они были уличными. Но Аде повезло больше всех: ей удалось устроиться в приличный дом на Средней и к другим девушкам она приходила только раз в неделю, когда получала выходной. Зарабатывала Ада больше всех и не могла нахвалиться на свою хозяйку – толстую Берту.

Очень скоро Таня близко сошлась со всеми девушками. И все они (кроме Лизы, которая с самого начала стала ее искренним, настоящим другом) без исключения уговаривали Таню идти с ними на Дерibasовскую.

Образ жизни этих девушек был чрезвычайно прост. К вечеру, когда загорались вечерние огни, а центральные улицы города заполняли прогуливающиеся горожане, девушки одевались понаряднее, нанимали извозчика и всем скопом ехали «работать» на Дерibasовскую. Приезжали они к 8 вечера, и «работали» до 2–3 ночи, после чего возвращались обратно на Молдаванку – каждая по-разному.

Такие нарядные девушки прохаживались по главной улице города и завлекали мужчин. Заинтересовавшегося вели в одну из гостиниц, находящихся в переулках, расположенных поближе к Дерibasовской. В гостиницах этих без лишних расспросов сдавали комнаты уличным девушкам. Ночной портье знал лично каждую из них. Комната на час стоила рубль – и за нее платил клиент. Еще рубль получала девушка. И это были приличные деньги, позволяющие покупать нарядные тряпки и спиртное – две вещи, без которых невозможна была жизнь уличной.

Таких уличных девушек с Молдаванки контролировал местный авторитет по кличке Щеголь – так же, как и все остальные, он именовал себя королем. Можно сказать, что Щеголь работал исключительно с уличными. Каждая из них платила ему по 50 рублей в месяц. За такие деньги он обеспечивал их защиту (бандиты Щеголя дежурили в гостиницах, и любая уличная могла их позвать) и позволял им беспрепятственно заниматься своим промыслом.

Ну а если девушка переставала платить, Щеголь приказывал своим людям облить ей лицо кислотой. После такой экзекуции, если выживала, несчастная становилась инвалидом и уже никогда не могла работать на Дерibasовской. Ей оставалось только просить милостыню, переходя в разряд «сотрудниц» уже другого короля. В общем, всё здесь было поделено и четко организовано.

Все короли Молдаванки, заведовавшие каждой своей областью, платили полиции жалованье, таким образом договариваясь, чтобы та не препятствовала их деятельности. Поэтому полиция особо и не старалась трогать криминальный мир, больше занимаясь политическими, а не уголовными преступниками. К примеру, Щеголь имел такие хорошие отношения с начальством, что его уличных девушек вообще жандармы никогда не трогали. Девушки с Дерibasовской практически не попадали в полицейские облавы. А если случайно и попадали, то почти сразу же их выпускали, причем без штрафа.

Зато все девушки с Дерibasовской бесплатно обслуживали и Щеголя, и его людей. И даже любили бандитские гулянки, когда, например, сняв одну из Фонтанских дач, Щеголь устраивал праздник для своих людей, набивая целый дом самыми красивыми и свежими девушками.

Такие оргии могли длиться неделями. Бандиты с девушками, как правило, были щедры, одаривали их деньгами и ворованными украшениями. Здесь девушки получали намного больше, чем могли заработать на улице. И на такой почве часто вспыхивали головокружительные романы, которые, как правило, ничем хорошим не заканчивались: ведь судьбой бандита чаще всего была смерть в перестрелке от пули жандарма или такого же бандита, а в случае попадания в руки жандармов – тюрьма надолго ну или же виселица...

Конец девушки с Дерibasовской тоже был печален. Если она не погибала от ножа психопата-клиента или не была забита насмерть подгулявшим бандитом, несчастную подстерегала тяжелая неизлечимая болезнь, которая в скором времени сводила ее в могилу. Если же ей даже и удавалось дожить до средних лет, то, не имеющая семьи, не способная родить детей, как правило, страдающая алкоголизмом, такая «девушка» заканчивала свои дни прислугой в каком-нибудь публичном доме, куда хозяйка могла взять ее за прежние заслуги – ну или как бродячую уличную кошку.

Но пока еще молодые, здоровые, румяные – они о своей жизни не думали и поэтому изо всех сил уговаривали Таню выйти с ними на Дерibasовскую и обещали познакомить со Щеголем. А Таня отказывалась. И несмотря на то что девушки не оставляли своих попыток, она все же часто проводила с ними время, в этом убогом общении пытаясь загасить свое нестерпимое одиночество.

Вставали девушки поздно, к полудню, а проснувшись, посылали кого-нибудь за водкой в ближайшую лавку. Собирались у Иды и Циля, или же у Груши и Фиры на втором этаже. Нечесанные, неумытые, в ночных сорочках, девушки садились за большой стол, пили водку, уплетали за обе щеки купленные сладости, сплетничали, лениво гадали на картах или раскладывали пасьянс.

В гадании всегда выходило одно и то же – марьяжный трефовый или червовый король, который влюбится, женится и увезет в далекую даль. При этом каждая прекрасно знала о том, что никакого короля ни разу не случится в ее жизни.

Стараясь соблазнить Таню, еще не входящую в их круг, уличные описывали свои гулянки с настоящим шампанским, показывали убогие украшения, которые покупали на свои заработанные деньги, – пестрые ленты, серьги из дутого сусального золота или кольца с фальшивыми камнями, в простонародье называемые «сердечными глазками», которые могли долго блеснуть. Это был убогий печальный мир без будущего, и все они жили одним днем. При взгляде на своих подруг у Тани мучительно сжималось сердце. Они не были виноваты в том, что, будучи молодыми и красивыми, хотели жить, а жизнь не давала им ничего, кроме печальной возможности торговать своим телом.

– Почему, ну почему ты не хочешь пойти с нами за туда? – спрашивала Ида, или Циля, или Груша, или Катя. – Ты бы видела, какой банкет вчера закатали турки! Шампанское лилось рекой. Или не турки это были, а грузины... Кто их разберет. Не важно! Денег на девушек не жалели. Ты посмотри за ленты – сплошной шелк! Посмотри, так и течет, и переливается между пальцев. Пойдешь с нами, будешь такие же носить. Кто тебе их еще купит?

Но Таня, смеясь и качая головой, была непреклонна. И твердо говорила, что не пойдет с ними на Дерibasовскую – никогда. И только Лиза, одна-единственная из всех, обладающая тонким, чувствительным сердцем, догадывалась, что у Тани существует тайная, очень личная причина отвечать так. Впрочем, Таня никогда не рассказывала ей об этом.

Бабушке между тем становилось все хуже и хуже. И каждый раз все больших сил у Тани требовало ее возвращение домой. Занимаясь поисками работы целый день, Таня возвращалась уже в темноте. Окна были темны, и у нее больно сжималось сердце.

Она открывала старую скрипучую дверь, осторожно переступала через гнилую доску пола и делала шаг в темноту, где на полуразвалившейся кровати, подпираемой для устойчивости пустыми ящиками, лежала ее бабушка. В комнате было холодно. Чтобы затопить ржавую железную печурку в углу, нужны были уголь или дрова. И чтобы сэкономить остатки тепла, бабушка целыми днями не вставала с кровати. Наступившая осень забирала все оставшиеся ее силы, и Таня с ужасом видела сквозь темноту, как родное лицо становилось все более сморщенным и белым.

Зарядили дожди. На покрытых трещинами стенах сразу появились дождевые потеки. Дожди принесли холод, а не долгожданную прохладу после жаркого одесского лета, которую с нетерпением ждут все местные жители. Нет, это был промозглый сырой холод, предвестник скорой зимы, полный непрсыхаемой влаги. Казалось, что она, неприятная, соленая, плотной стеной стоит в воздухе.

Бабушка Тани, Наталья Алмазова, была инвалидом. Когда-то известная в городе модистка, она работала в богатой швейной мастерской. Она очень старалась дать своей Тане всё, не жалея никаких денег. По ее инициативе внучка училась в церковно-приходской школе и в женской гимназии, и никто не мог отличить ее от дочек богатых сановников и купцов.

Таня всегда скрывала свое происхождение. В гимназии никто не знал о том, что она – внучка модистки. Благородство просто было в ее крови, и, когда Таню обучили правильно говорить (ведь простонародная речь девушки была бы первым, что выдавало бы ее низкое социальное происхождение), она совсем стала похожа на барышню из благородной семьи – изящную, утонченную, где-то даже надменную.

Но пришла беда. Жестокая беда, разрушившая весь хрупкий фундамент Таниной счастливой жизни. На складе мануфактуры в порту возник страшный пожар. А бабушка Тани как раз вела там переговоры о покупке контрабандной ткани. Деревянные перекрытия рухнули, и женщину накрыла стена огня.

Когда ее нашли среди обломков рухнувшей балки, она была еще жива. Большая половина ее тела была покрыта страшными ожогами. Правая нога обгорела до колена, а кость была переломана в нескольких местах. Что же касается рук... на них не было живого места.

Обмотав мокрой тканью, изувеченное тело несчастной модистки погрузили на дроги, и тощая лошадедка поплелась по булыжникам мостовой. Лошадь никто не погонял – все были уверены: обгоревшей не выжить.

Пострадавших на пожаре в порту (в том числе и бабушку Тани) отвезли в Еврейскую больницу. Большая часть из них умерла во время долгой дороги. И когда служители больницы поднимали с дрог обгоревшее тело, они делали это весьма небрежно, уверенные в том, что поднимают труп. Но бабушка Тани, к всеобщему удивлению, оказалась жива. Она дышала – хоть с перерывами, тяжело, но дышала.

По дороге, следуя за страшной повозкой, полуослепшая от бесконечных, катившихся по ее лицу слез, Таня истово молилась всем существующим в мире богам, умоляя подарить бабушке искру жизни. Ведь она была самым близким и дорогим человеком. Кроме нее, у Тани больше никого не было.

И молитвы несчастной девочки были услышаны: бабушку привезли живой. А дальше произошло настоящее чудо. В больнице в тот день находился очень известный хирург – доктор Петровский. Это был самый знаменитый врач, светило одесской медицины. Чтобы попасть на прием к великому Петровскому, богачи выстраивались в очередь. Но, будучи абсолютно добрым и бескорыстным человеком, человеком удивительной душевной тонкости и чуткости, Петровский лечил и бедных. Увидев, в каком страшном состоянии находится Танина бабушка, он тут же взял ее на операцию, которую блестяще провел. Надо ли говорить, что во время операции Таня рыдала в коридоре больницы...

... Бабушке отняли правую ногу почти до бедра, что-то долго делали с руками, а по всему телу удалили омертвевшие участки кожи. Словом, было что-то очень сложное, Таня так и не поняла, что. Но бабушка выжила. Выжила... Но превратилась в полного инвалида.

Ходить она почти не могла, несмотря на специальный деревянный протез. Руками тоже работать не могла. Огонь повредил и легкие, и бабушка стала кашлять тяжелым, мучительным кашлем, разрывающим ее грудь, – и Танино сердце.

В общем, деньги быстро закончились. Скромные сбережения бабушки, собранные за всю ее жизнь, подошли к концу. А когда закончились деньги, хозяин дома выгнал их из квартиры...

Таня возвращалась домой ближе к ночи. И первым делом подходила к кровати, помогая бабушке сесть. Затем расчесывала ее сбившиеся, спутанные волосы. Щепками и обрывками газет она растапливала печку и подогревала вчерашнюю кашу, сваренную на воде со щепоткой соли, кормила бабушку.

После этого она долго сидела с ней, рассказывая о разных, ничего не значащих мелочах, время от времени, не сдержавшись, целуя ее морщинистые руки. Спасало то, что бабушка не видела ее глаз. Голос Тани звучал бодро, но глаза могли ее выдать.

– Ты обманываешь меня, Таточка, – так ласково бабушка называла Таню, – денег ведь у нас совсем нет.

– Ну что ты, милая! Мне же заплатили за прошлую неделю. В мастерской сейчас много заказов. Люди спешат одеться к зиме. И скоро еще должны заплатить.

Таня врала бабушке, что подрабатывает несколько часов в день в швейной мастерской. Она не хотела, чтобы бабушка знала правду.

– Ты опять ходила к этим девицам напротив, – голос бабушки звучал печально, – не надо туда ходить.

– Это было вчера. Да и зашла-то я туда ненадолго. Просто мне было скучно.

– Не надо туда ходить. Я знаю, на что они тебя подбивают. Каждый раз мое сердце обливается кровью.

– Если ты знаешь, на что они меня подбивают, – голос Тани зазвучал твердо, – ты знаешь и то, что я не сделаю этого никогда. Ты знаешь, почему я этого не сделаю.

– Обещай мне... Обещай мне никогда не ходить с ними... Обещай сохранить память...

– Я обещаю. Бабушка, я тебе жизнью клянусь, что никогда не буду уличной девицей с Дерibasовской!

Бабушка улыбалась в темноте. А Таня отворачивалась к окну, чтобы она не видела ее слез.

Через пару дней Софа, мать Иды и Цили, принесла весточку о том, что купчиха со Староконки, муж которой торгует овсом и держит всякие грошовые лавки, ищет прачек на два дня в неделю.

– Думала сама пойти за туда, – говорила Софа, любовно поглаживая свои толстые бока, – да здоровьем не вышла, ой, вэйз мир...

Таня не медля пошла к купчихе и договорилась о стирке. Платила та гроши: 25 копеек в неделю, рубль в месяц. Но это было лучше, чем ничего. И Таня согласилась по вторникам и четвергам стирать у купчихи.

Она возвращалась через Староконку, с печалью вспоминая Ваську Жмыря. Трактир, в котором она с ним познакомилась, был совсем близко. Внезапно чьи-то наглые лапы схватили Таню пониже спины, а над ухом ее раздалось лошадиное ржание.

– Эй, ты, за куда спешишь-то? Ты новенькая? Я тебя раньше не видел.

Дюжий рыжий детина в рубашке, надувшейся пузырем, чувствовал себя хозяином положения, нагло поглядывая на Таню. Сколько она повидала таких, с фасоном, словно первоклассный купец, а на деле – мелкий, наглый жулик.

– Эй, ты куда? А ну подожди! Я с тобой еще не закончил!

Рыжий больно схватил ее за руку и развернул к себе. Таня вырвалась, глаза ее сверкнули ненавистью.

– А ну пошел ты!.. – позабыв всю свою далекую гимназию, девушка послала его так, как посылают на Молдаванке.

– Что-о-о?! Это ты мне?! Да я тебе... – Рыжий уже занес кулак для удара, как вдруг коренастый черноволосый парень, каким-то чудом оказавшийся поблизости, перехватил его руку на лету и рванул вниз с такой силой, что Рыжий буквально взвыл от боли. С размаху он налетел на парня, но тут же был сбит с ног мощным, но коротким ударом. Рыжий полетел вниз, месить грязь. Вокруг собралась толпа, которую всегда привлекали такие потасовки. Плотная толпа людей не позволила Тане сбежать. Она стояла внутри этого круга, и все внутри у нее обмирало.

Слишком хорошо зная нравы тех мест, Таня понимала, что нажила серьезные проблемы. Что делать, она не имела ни малейшего представления. Сердце ее сжала мучительная тоска.

Между тем Рыжий, на славу вывалявшийся в грязи, с помощью двух пьяных дружков уже успел подняться и со звериным воем снова набросился на парня. После чего снова был сбит с ног и повержен в лужу – уже по соседству с предыдущей. Поднявшись не без труда и зарывав, как дикий зверь, Рыжий вытащил из-за пазухи нож. Дело принимало совсем плохой оборот. Толпа вокруг как-то враз поредела.

Внезапно к Рыжему подскочил какой-то парень, толкнул его в плечо и горячо зашептал, да так, что услышали все:

– Ты, придурок, слушай сюда, зашиби мозги, включи за уши – с кем ты связываешься? Он же за близких людей Корня! Тебе нужны проблемы с Корнем, или как?!

Имя Корня решало всё, и Рыжий, уже окончательно поднявшийся на ноги, спрятал нож и растерянно захлопал ресницами:

– Ты правда за людей Корня?

– Слушайте судой все! – Черноволосый парень повысил голос и тут же буквально накрыл им всю толпу. – Эта девушка теперь под защитой Корня! Я, Гека, сказал. Кто ее тронет, будет иметь дело за Корня. Такой шухер будет – сам лично уши обломаю!

После этого инцидент улегся сам собой, и толпа рассеялась так же быстро, как и собралась.

– Я проведу тебя, – парень подошел к Тане, которая вдруг сильно задрожала – сказался нервный шок.

– Нет! Не подходи ко мне! Думаешь, я пойду с тобой после этого? Не подходи! Не трогай меня!

– Я и не собирался за тебя трогать. – Голос парня звучал спокойно, внушительно и так надежно, что Таня вдруг успокоилась. – Я просто предложил проводить, чтобы не пристал еще какой урод. Не хочешь – твое дело. Охолонь.

Таня отступила назад и тут только заметила, что спаситель ее совсем не плох собой. Хотя, конечно, никто не назвал бы его красавцем. Он был мускулистый и крепкий, темноволосый, с живой искринкой в карих глазах, а губы его ей почему-то показались добрыми (видимо, потому, что она насмотрелась на жестокие, злые губы и умела немного читать по человеческим лицам). Он был в красной рубахе навыпуск, а на его смуглой груди болтался на веревочке простой дешевый медальон. И было в этом что-то такое трогательное, особенно после того, как Таня вспомнила слова о том, что парень этот – из банды Корня.

– Так из банды Корня? – переспросила она.

– Я Гека. Правая рука Корня, – кивнул он. – А я за тебя знаю. Ты живешь на Запорожской тудой. Через два дома от Корня. Я тебя часто видел. Ты всегда ходишь печальная.

– Никакая я не печальная! – вспыхнула со злостью Таня. – И вообще – мне пора домой. Меня ждут.

И она ушла. Но уже на подходе к дому, когда оставалось идти всего ничего, Таня вдруг увидела, что Гека идет за ней следом, и поняла, что он не следует за ней – он ее охраняет. И это было первое, что тронуло ее сердце.

С тех пор Гека стал неотъемлемой ее тенью, и все вокруг знали, что за Таней ухлестывает человек Корня, и обходили ее стороной. На самом деле Гека стал Таниным другом. Общался он с ней как мог мягко, с плохо скрываемой осторожностью, так как очень боялся спугнуть. И это льстило ее самолюбию.

Гека сразу понял, что Таня – девушка совсем другого круга, не похожая на всех остальных. Он навел справки и узнал то, что знали все вокруг, – что Таня категорически отказывается идти на Дерibasовскую. Этот факт окончательно сразил Геку и напрочь снес ему голову. Однако интуитивно, больше не разумом, а сердцем, Гека почувствовал, что в первую очередь Тане нужен друг. И он стал ей таким незаменимым другом, подавив в себе все остальные желания и чувства.

Когда Таня после стирки, с распухшими руками, возвращалась домой, Гека уже ждал ее на углу – с охапкой дров и с какой-то нехитрой снедью, например булочками из пекарни. Он приносил ей овощи и мелкие деньги, а как-то тронул Таню до слез, когда притащил большой, сочный кусок мяса, завернутый в газету.

– Неужели теперь Корень мясом берет? – горько пошутила Таня, но Гека не понял шутки. – Это тебе. Я сам купил. За свои деньги.

С первых же дней их странной дружбы Гека узнал о Таниной бабушке. Он стал покупать для нее лекарства, на которые у Тани не было денег, а однажды даже вызвался сидеть с ней, пока Таня работала. Но она отказалась, с ужасом представив, какое впечатление произведет на бабушку бандит Гека!..

Между тем дела в банде Корня обстояли неважно, и Таня стала единственным человеком в городе, который знал эту правду. Гека ничего не скрывал от нее, зная, что она не расскажет никому, и очень ценил эту возможность – поговорить с кем-нибудь откровенно.

Два налета Корня позорно провалились. Первый – на почтовый экипаж на Торговой – принес всего два рубля, поскольку кассу почты отвезли накануне вечером. Второй же – на ювелирную скупку на Пересыпи – вообще стал пшиком, так как день назад эту же самую лавку взял Сало.

– Представляешь, этот холыймес... слова просто не могут выходить из мой рот! Лавку работал Сало, сгрел все подчистую, до копейки, швицер задрипанный! – жаловался Гека. – Мало того, что мы можем стать посмешищем в глазах всей Молдаванки, шоб мы так жили, как они будут за это смеяться, так Корню не хватало только сцепиться с Салом!.. Это такой тип... Чистой воды фраер... Тронешь его – наживешь себе за беды!

– Странные вы какие-то, – пожимала плечами Таня, – как же можно налететь на лавку, ничего о ней не узнав? Надо же было сначала узнать, людей пораспрашивать.

– А за как бы ты сделала? – заинтересовался вдруг Гека.

– Да послала бы девчонку-наводчицу, чтоб разговорить прислугу скупщика, – сразу же ответила Таня, как будто давно об этом думала. – Прислуга все быстренько бы выложила – кто грабил, сколько взял. А то гоняетесь друг за другом, как собаки, кусаете своих же за хвост. Разве так делают?

– Жаль, у Корня нету девчонок, которым такое можно поручить, – вздохнул Гека, – не этим же дурам с Дерibasовской! У них всех мозгов меньше, чем у куриц. Химины куры задрипанные! И ты не возись с этими дурами! – вдруг вспомнил он.

- Я не вожусь, – пожала равнодушно плечами Таня. – Мне просто скучно.
- А хочешь, в иллюзион пойдём? – оживился Гека. – Я щас достану за билеты!
- Нет, – твердо ответила Таня.

Гека тяжело вздохнул. Говорить с Таней было очень интересно, но сложно.

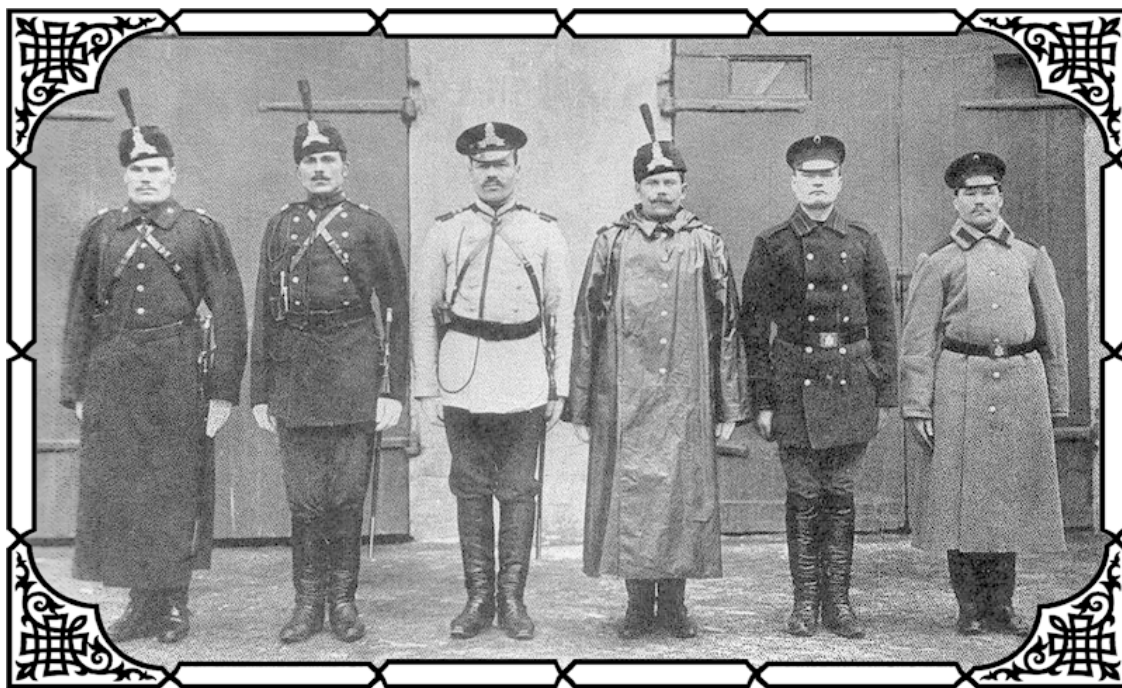
Он часто рассказывал о своих былых успехах:

– Не, ты только послушай! Самый шухер был за налет Когана! Вот мы гульнули так гульнули! Как вспомню – на душе праздник. Ох это был и налет! Коган представительный такой мужик, степенный – не швицер, сразу за ясно. Жена его, конечно, охи-вздохи, за рот, всем на нервы, чуть в обморок не хлопнулась, особенно после того, как Корень на люстру пальнул. Осколки хрустала посыпались, а Коган и говорит: «Ша, говорит, господа бандиты, громить квартиру тут не здесь, за не обязательно. Я деньги вам и так принесу. Так шо не делайте мне беременную голову». Открывает сейф – смотрю, а на руке у этого Когана золотой браслет – жирный такой, красивый, видно, что на заказ сделан. И буквы на нем вырезаны – Б. К. типа, инициалы его, значит. Толкаю Корня локтем, а он показывает стволом за браслет. Ну, вижу сразу – за браслет Коган будет фордабычиться. Типа – здесь он халамидник. Гляделки выпучил за mine – как вошь на мыло. Ну, Корень решил за благородство сыграть, говорит – оставляю вам, мол, браслет этот на память за нас, так что не наматывай, мол, язык за наши нервы. Красиво так получилось! Взял разбег с Привоза! Жаль, конечно, за дорогой браслет. Так и стоит перед глазами. Но Корень – не фраер, в луже не промокнет...

Таня с удовольствием слушала его истории. Они развлекали ее после мучительного, беспроектного дня. А когда Гека уходил, к Тане тихонько скреблась Лиза. Она мазала распухшие от стирки Танины руки глицериновой мазью, купленной в ближайшей аптечной лавке, за углом, на свои жалкие уличные гроши...

Глава 5

Первый рабочий день Володи Сосновского. Убийца по прозвищу Людоед. Страшная находка на Дворянской. Пропавший муж

Первый рабочий день Володи Сосновского превратился в ад. Место ему выделили в кабинете полицейского следователя по особо важным делам Полипина, в самом центре событий. Тот под личным контролем главного полицеймейстера подполковника Бочарова вел дело о трупе на решетке Горсада. И Володя Сосновский должен был учиться у него расследованию дела.

Егор Полипин был старый сыскарь, проработавший в уголовной полиции большую часть своих 50 лет и досконально знавший мелкую уголовную шушери и ее крупных коронованных начальников с Молдаванки. Еще несколько лет назад он знал в лицо каждого карманника с Привоза, каждого «медвежатника» с Пересыпи, каждого фальшивомонетчика из порта, каждого налетчика с Молдаванки. Но тяжелое время, когда налеты окрасились в политические цвета, внесло свои коррективы в это доскональное знание старинной уголовной жизни.

– Теперь налеты стали идейными, – жаловался Полипин Володе Сосновскому, – теперь поди разбери, где действовал Котька Куцый с Молдаванки, а где – анархисты из черной сотни террора, анархии красных дьяволов и прочие жуткие политические организации с подобными устрашающими названиями.

– Та политика политикой, а не бей mine, кия, лапой, а то я тебе вдарю шляпой! – продолжал он. – Как было при государе императоре, так и будет за после него. Всем этим политическим нужно сделать одно – за деньги. И сделать их быстро – по системе бикицер. А они замолчат свой рот на уши и будут делать нам это... типа фраера на отмазке. Таки да за сюда систему бикицер.

– Чего? Какую систему? – моргал Володя.

– Ну по системе бикицер – так говорят в Одессе. Это значит – сделать быстро, за размах, типа грандиозный шухер. И вообще – за так говорят в Одессе. Учись, не то помрешь халамидником. А где потом – быстро рвать когти.

– Кому? – пугался Володя.

– Ну, рвать когти – в смысле бежать. Слушай сюда, за шо говорю. Не наматывай язык на мои нервы! Так вот: шо бомбу бросили в сахарозаводчика во время шухера... то есть налета, шо взорвали политический участок – за всем этим стоит только одно: деньги. А потому мы постоянно будем иметь за больную голову и море проблем. И вырванные годы, за которые химины куры покажутся за рай небесный...

Про больную голову Володя не переспросил, понадеялся, что понял. До него понемногу стал доходить одесский язык – конечно, частично: сразу всё ему было точно не понять...

– Тут – анархисты эти самые бомбу взрывают под почтой, а тут – торговка пирожками. Нате вам здрастье! Ну шо она может сказать мне за эти свои пирожки! Это же как швицер в пальте – ни вашим, ни снова вашим. Не она же пальцы зарезала, или как? Так с чего я должен рвать рот, делать себе нервы и с утра ее допрашивать? Кто бы другой допросил... Нет! Все заняты политическими, а весь этот хипиш теперь на мою голову, – не останавливался Полипин.

– Хи... что? – моргал Володя.

– Хипиш. В смысле – шум, крик. Да не морочь мне модебэйцелы! Своими ушами дой-дешь.

Разбушевавшегося в полицейском участке скототорговца выпустили, когда за важного клиента приехал просить директор крупного банка, а Полипин убедил Бочарова, что скототорговец вообще ничего не знал.

– Дались ему за эти пальцы, не пальцы – а дрэк задрипанный! – ворчал старый сыскарь, который уже вызвал на это утро торговку пирожками с Привоза, пострадавшую от тех же самых отрезанных пальцев, что и скототорговец. Именно на лотке ее артели пальцы и нашли.

– А преступлений таких в Одессе раньше не было, таки да, и точка с хвостиком, – философствовал Полипин, – это иностранцы какую-то заразу нам завезли! Не было – и точка! Шухер был – ну, карманники разбушевались! Ну, фраера взяли за стволы. А вот таки по-зарезать... Одесса и не помнит такого! Вместе с бомбами появилась эта зараза. Политические швицеры виноваты – помяни за мое слово! – поставил он жирную точку в диалоге – причем, с самим собой.

Торговка пирожками была такой толстой, что едва протиснулась в дверь. Пышные ситцевые юбки развевались за ней, как флаг. Протиснув бока прямо к столу Полипина, торговка заголосила:

– Люди добрые, господа хорошие, да шо то такое коется? Да где вы бачылы, шоб артель бабы Мани пугали за пирожки? Да мои пирожки люди покупают со всей Одессы, да Бог тому судья, кто меня, как собаку, обрешет, нелюди рода человеческого... Да це холыймес с дрэком! Да такие слова просто не могут выйти из мой рот! Шоб я тута как здесь – и как оно вам, как шило до тухеса! Да ныколы намерения мои не круче здесь таки за тут!..

Полипин не стал ждать, пока иссякнет поток ее красноречия. Он сразу же увесисто рявкнул:

– А ну закрой рот и сделай мне ночь до вечера! Качать права тебе здесь не тут!

Услышав родную речь и перепугавшись, тетка замолчала, но тут же очнулась и уперла руки в боки:

– А ты мне рот не затыкай, шлимазл, хоть и за начальник на шухере! Щас! Взяла разгон с Привоза! Баба Маня говорила – и будет говорить! Весь Привоз за меня знает. Мой рот за уши всегда как здесь не завянет! Так шо не делай мне беременную голову!

Полипин не унимался:

– Кому сказал – ша! Говори по существу! Кто пирожками с человеческим мясом торговал?!

– Шо?.. Да с каким мясом?! Брехня то! То Сонька Кривая бреше!

– Никто не бреше! А пирожки мальчишка твой продавал! Так что будешь отвечать по существу. Слушай сюда! И уйми хипиш! И зубами не скворчи, бо юшка простынет!

После этих слов баба Маня затараторила без остановки. И выходило с ее слов, что всю жизнь она торгует пирожками на Привозе, что живет на Молдаванке, на Средней улице, и что пирожки ее любит сам местный король Ванька Рвач, который очень строго следит, чтоб на Привозе кто ее не обидел и не обсчитал...

От визгливого голоса торговки у Володи Сосновского, никогда не слышавшего ничего подобного в чинных особняках Петербурга и строгих гостиных Москвы, разболелась голова. Вдобавок к этому от неопрятной торговки несло смрадом. И чувствительного Володю, привыкшего к тонкой, деликатной еде, которая подается на изящном фарфоре, начало тошнить от одной мысли о том, что эти дебелие грязные руки прикасались к пище. И это еще Володя не стал думать о том, что нашли в ее пирожках!

После долгих, длиной почти в два часа, препирательств с торговкой выяснилось, что жуткое содержимое могло попасть в пирожки следующим образом.

Фарш из мяса сомнительного происхождения (Полипин с большим, почти невероятным трудом таки выбил из торговки, что главным ингредиентом такого фарша часто являются собаки и коты) с помощью людей Ваньки Рвача, контролирующего эту торговлю, баба Маня покупала на развес в Одесском цирке. На развес – значит, из-под полы. Фарш для прокорма хищников, который оплачивался дирекцией, так, из-под полы, продают работники цирка, чтобы заработать. И стоит он намного дешевле, чем на рынке или в любой другой мясной лавке.

Кадки с таким фаршем стоят во дворе цирка. Ворота туда бывают часто открыты, и кто угодно может зайти во двор и всё что угодно подбросить в бадью. Тут баба Маня с Привоза впервые употребила слово, которое впоследствии подхватила вся Одесса:

– Он и подбросил, Людоед проклятый. Точно вам говорю – шухер он и есть Людоед.

– Почему Людоед? – не выдержал Володя.

– Ну он же хочет, шоб люди людей кушали! Кто он есть, как не Людоед?

– Но Людоед – это тот, кто САМ ест людей! – схватился за голову Володя, который все еще ощущал себя в Петербурге.

Однако бабу Маню не так-то просто было сбить с толку:

– Вот за це я и говорю: тот, кто думает, шо человек должен человека кушать и пальцы в пирожки подбрасывает, – тот и есть Людоед! Он самый!

Тут Володя почувствовал, что в голове его творится такой сумбур, что еще немного – и он потеряет сознание. Вместо счастливой жизни и долгожданной свободы перед ним разверзся ад.

По распоряжению Бочарова для Володи приготовили уютную двухкомнатную квартиру во флигеле, который был пристроен к основному каменному дому, и Володя в жизни не видел такой странной архитектуры. Нарядный особняк стоял на Дворянской улице, в самом центре города, рядом с Дерibasовской. Тихая и уютная, она утопала в зелени. Деревья на ней были посажены в два ряда. Стояла осень, и листва расцвела всеми возможными красками, убажывая взор. Но Володю это не радовало. Ему настолько не понравилась его официальная служба, что в первый же вечер на новой квартире он не смог писать стихи. Нацарапал несколько корявых строчек и бросил в огонь. Это привело его в отчаяние.

Он расхаживал по комнате до половины второго ночи, медленно потягивая коньяк, подаренный Бочаровым в честь приезда. Коньяк был местного производства и назывался

«Шустов» – в Петербурге Володя не пил ничего подобного. Коньяку просто не было равных! Но даже изысканный вкус дорогого напитка не радовал его, не мог поднять настроение. Стихи же не писались потому, что Володе здесь не нравилось. И он абсолютно искренне себе в этом признался.

Трупы, торговки, блатной жаргон, какой-то дикий язык, на котором говорят местные и при этом отлично понимают друг друга... Все это было чудовищно, мерзко, Володю тошнило от всего... Он хотел было бросить все и уехать обратно, но вдруг живо представил лица родителей. Нет, там ему тоже были бы не рады. Придется терпеть.

И только к двум часам ночи Володя немного успокоился, сказав себе, что в первую очередь необходимо познакомиться с одесскими литераторами, войти в местные литературные круги. Может, это способно будет его вдохновить.

На вторую ночь Володя проснулся от страшного собачьего воя... Он зажег свечу, глянул на часы. Была половина пятого утра. Вслед за собачьим воем раздался топот копыт. Встав с постели, Володя подошел к окну. По улице ехал отряд конных жандармов. Это было весьма необычно. Володя стал одеваться. Он решил посмотреть, что происходит – все равно не спалось.

На углу Садовой и Дворянской, возле красивого особняка какой-то аристократической семьи (Полипин назвал фамилию, но Володя ее не запомнил) собралась толпа. В основном это были рабочие, которые шли в район порта, и торговки. Жандармы лихо рассекли толпу и что-то окружили – что именно, Володя не смог разглядеть. Поэтому он стал быстро протискиваться через толпу.

– Ребенка зарезали... Какого ребенка? Десять задушенных собак! И все без хвостов... Замолчите свой рот и слушайте сюда, фраер говорить будет... Сундук золота нашли... Бриллианты... Целый мешок бриллиантов... Да хипиш такой, шо за крышу сорвало... Человека убитого из особняка выкинули... Перерезали ему горло... Подкидыш... Месяца два. Не больше... – Голоса сыпались на Володю со всех сторон, и очень скоро он понял: в городе просто завтра появятся самые невероятные слухи, ведь никто ничего в точности не знал. Версии будут как раз те же, что сейчас озвучиваются в толпе.

Сосновский подошел к жандармам.

– Стоять не велено! – рявкнул на него молоденький жандарм. Однако вдруг раздалось:

– А ну молчать! Пропустить немедленно! – и жандарм вытянулся по струнке, а Володя увидел Бочарова, который направлялся к нему. Он был белый как мел.

– Ты как узнал? Молодец, приехал как раз вовремя! За тобой Полипин послал? – не глядя на Володю, спросил Бочалов.

– Никак нет! – вытянулся Володя. – Я увидел в окно жандармов... Решил посмотреть, что происходит. Я тут живу поблизости. Флигель в особняке, но окна моей спальни как раз выходят на улицу. Строение такое странное... Вроде и не совсем флигель. Соединяется с домом... – Володя как бы докладывал, но в то же время чувствовал, что при этом избавляется от чувства тревоги, которое медленно поднимается у него внутри.

– Да, ты же на Дворянской живешь... – бросил Бочаров, и Володя понял, что, несмотря на рассеянный вид, тот внимательно слушает его болтовню. Сделав знак следовать за ним, Бочаров подвел Володю к небольшой грудке мусора, выброшенного прямо на землю. Тут Володя увидел судебного медика, который раскладывал рядом газеты.

– Человеческие внутренности нашли... – сказал Бочаров, – печень, селезенка, сердце... Вот посмотри сам.

Он указал рукой куда-то в пространство. Но Володя возле газет, разложенных на земле, уже увидел бесформенную грудку темно-багрового цвета. Это выглядело отвратительно! Отвратительно – и страшно. Даже если бы он смог напрячь всю свою волю, то не мог бы туда смот-

реть. Володя закрыл рот ладонью и отвернулся в сторону. Он боялся, что его начнет рвать, и он опозорится перед жандармами.

– Тошнит? Меня за тоже поначалу тошнило! – рядом, непонятно откуда, возник Полипин. Он был невозмутим и абсолютно спокоен – как всегда.

– Его рук дело. Людоеда, – Полипин небрежно кивнул в сторону страшной находки. – Внутренности из того трупа. Как раз то, чего там не хватало.

– Их заберут в анатомический театр для исследования, – вмешался Бочаров. – А вы оба сейчас поедете в участок, составите протокол. И ровно в восемь жду вас обоих на совещание в моем кабинете. Что-то долгая получается история! Личность не опознали, убийцы нет... Стареешь, Полипин! Теряешь былую хватку.

– Ой, ша! Так всего несколько суток прошло. Работаем... – Полипин все равно был невозмутим.

Бочаров, фыркнув что-то неопределенное, направился к экипажу, который ждал его на мостовой. Когда экипаж скрылся с глаз, Полипин усмехнулся и подмигнул:

– Ага, щас! Узял разбег с Привоза! Аж кицькины лапы сверкают до цугундера! В пять утра протокол я тебе буду писать! Шоб он так жил, как я за это смеялся! Разогнался копытами – аж шухер простыл! Спать пойдем, за протокол всегда написать успеем. Протокол – не Людоед.

Полипин говорил громко, и страшное слово вдруг перескочило через головы жандармов из оцепления и понеслось по толпе: «Людоед, Людоед, Людоед»...

Представив, что через час будут говорить в городе, Володя похолодел – особенно при мысли о том, что именно скажет ему дядя. Ведь слово «Людоед» было изобретением торговли с Привоза, а уж они с Полипиным подхватили его, и даже, можно сказать, «подарили» толпе.

– Что значит не хватало? – спросил Володя.

– Внутренности находились под грудой мусора – его высыпали на углу, и внутренности были им присыпаны. Как я понимаю, убийца сделал так за специально. Собаки разрыли, растащили по земле. А двое рабочих проходили себе за мимо. Увидели – и тревогу подняли, такой шухер простыл! Было это в три ночи. Пока подняли жандармов, меня... Уже половина пятого. – Так и пошло, речь Полипина была цветиста, но понятна.

– А это точно те самые внутренности? – усомнился Володя.

– Точно. Они уже протухли. Воняют здорово, и везде пятна гниения. Кошмар, – хмыкнул Полипин.

– Что же теперь будет? – не унимался Володя.

– Шмон будет. Начальство нас на уши поднимет, а мы – всех. Будем иметь вырванные годы, беременные головы и такой холыймес, по сравнению с которым прыщ на тухесе будет как фонтан в музее! Обстановка в городе и без того тяжелая. Ты на фронте слышал, что творится? Говорят, в Петербурге начались волнения. Там такое, шо даже с упокоительным не проглотить. И без того забот полон рот, а тут Людоед... Нужен он нам сейчас, как мертвому припарки. Шоб я этого дрэка видел на одной ноге, а он смотрел на миня одним глазом! Свалился на нашу голову! Но делать нечего – придется теперь расхлебывать. Слушай, тебе-то шо за здесь торчать? Иди домой, до половины восьмого успеешь поспать. Не держи фасон, бо горло простынет! – Похоже, сам Полипин не боялся, что у него горло простынет, когда так долго говорил.

В 8 часов утра в кабинете Бочарова началось экстренное совещание, на которое собрались все самые крупные чины полиции и жандармов. Бочаров восседал в центре. Володю он посадил справа.

Бочаров сделал краткий политический доклад о тяжелых событиях на фронте, о том, что накаляется политическая обстановка в городе, постоянно происходят теракты, представители власти получают угрозы. Кроме того, сильно активизировался криминальный мир. Участились разбои, налеты. Банки разоряются из-за нашествия фальшивомонетчиков и афер с поддель-

ными ценными бумагами. А тут еще появился неизвестный убийца, уже получивший в народе кличку Людоед.

По делу Людоеда сделал краткий доклад Полипин. После этого Бочаров дал необходимые распоряжения всем собравшимся, а потом всех отпустил, оставил только Полипина и Володю.

– Есть серьезная информация, – начал он, помолчав. – Не хотел говорить при всех. Из Тюремного замка на Люстдорфской дороге вышел Михаил Винницкий. Тебе, Полипин, придется серьезно присмотреть за ним.

– Этого мне еще не хватало... – простонал Полипин, а Володя спросил: – Винницкий – это кто?

– Местный криминальный авторитет, очередной король Молдаванки, – усмехнулся Бочаров. – У этой рвани там каждый король! А Винницкий – он в серьезном авторитете. Кличка Японец.

– Почему Японец? – моргнул Володя.

– Ну, Японец, Япончик, да кто их там разберет! Он организовал еврейскую молодежь в отряды самообороны против еврейских погромов. Потом эта самооборона причинила нам немало хлопот. Мало того, что они нападали на всех подряд, так потом занялись откровенным разбоем. Этот Винницкий бомбу бросил в высокого чина из полиции – за то, что, по его мнению, тот подстрекал к еврейскому погрому.

– А он подстрекал? – спросил Володя.

Бочаров стукнул кулаком о стол.

– Не о том думаешь! Какое это имеет значение! Винницкий – бандит! И вдвойне опасный потому, что народ его любит, да что там – превозносит! Особенно эти, с Молдаванки. Семья его живет на Мясоедовской. В общем, тебе, Полипин, придется серьезно присмотреть за ним.

– Слушаюсь! – как-то залихватски заявил Полипин. Володя даже удивился этому порыву.

– А этот Винницкий может быть причастен к убийству? – спросил он.

– Вряд ли. Это не его стиль. Вообще это убийство – явно что-то из ряда вон... Похоже, убийца – не из криминального мира. В криминале таких не любят.

Оказавшись в их с Полипиным кабинете, Володя спросил:

– А этот Винницкий... Он что, сбежал из тюрьмы?

– Сбежал или его выпустили, или его выкупили, или за шо как – какая тебе разница? – удивился Полипин. – Главное, что он на свободе и может представлять угрозу. То есть сотворить нам грандиозный шухер.

– А почему говорят Тюремный замок на Люстдорфской дороге?

– Ну, – тут Полипин отбросил все свои штучки и стал действительно серьезен. – Это наша знаменитая тюрьма. Еще более известное место, чем Тюремный замок в Кишиневе. Там сидят настоящие дьяволы – дьяволы с Люстдорфской дороги. А Люстдорф – это небольшое немецкое поселение. Как раз по дороге к нему и находится тюрьма. Запомни: там сидят страшные люди. И в последнее время все чаще оказываются на свободе. Тут ведь такие нервы, шо будешь фордабычиться – шоб очень да, так нет... – закончил он в своей привычной манере.

Написать протокол об утреннем происшествии Полипин попросил Володю:

– Ты у нас грамотный, за университетах обучался. Да и дядя заступится, если шо напишешь не так. К тому же писатель. Кому протокол писать, как не тебе?

Кляня себя за то, что успел разболтать Полипину о своей мечте стать писателем, Володя сел писать протокол. Полипин тем временем исчез из кабинета, и через окно Володя видел его слоняющимся по двору и болтающим с жандармами.

Вернулся Полипин очень скоро – Володя даже не успел дописать до середины.

– Эй, писатель, есть новости! Да бросай ты свою писанину! Слушай сюда!

– Свою? – возмутился Володя.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Полипин. – Ты сюда слушай. В полицейский участок на Преображенской обратилась одна дамочка с заявлением – муж у ней пропал, уже дней шесть назад. Ждала она так долго потому, что думала – сбежал с девицей. Блудливый, видать, швицер. Приметы совпадают за приметы трупа, описание одежды – тоже таки да. А кто пропавший, знаешь? Колбасный король! Самый крупный торговец мясными и колбасными изделиями, сеть магазинов по всему городу, член Городской думы, миллионер. Ну, колбасные изделия Когана, за него слышал? – никак не мог остановиться Полипин.

– Да я всего второй день в вашем городе! – возмутился Володя, но Полипин никак не мог остановиться.

– В общем, пропавшего купца зовут Борис Коган. – Похоже, Полипин и не услышал. – Улавливаешь – инициалы на браслете Б. К.? Кстати, в описании вещей, которые были на пропавшем муже, дамочка рассказала и за золотой браслет, с которым он якобы не расставался!

– Выходит, это он. Мы опознали труп.

– Не факт. Совпадения могут быть какие угодно. Труп будет считаться опознанным, когда дамочка осмотрит его в анатомическом театре и подтвердит, что это ее муж. А пока – едем к дамочке, я взял адрес. Устроим грандиозный шухер.

– А протокол?

– Потом!

Софиевская улица находилась рядом с морем. И, выходя из пролетки извозчика, впервые за все дни пребывания в Одессе Володя увидел его синеву. Море было свинцово-синим, темным. Мрачные облака нависали над темной водой. Зрелище было завораживающим, величественным, но совсем не печальным, наоборот, полным невероятной, могущественной силы.

Словно зачарованный, Володя смотрел вдаль и всё не мог оторвать глаз, пораженный в самое сердце зрелищем, таящим в себе невиданные глубины. Володя никогда прежде не видел Черного моря. Чем-то, возможно, темной синевой, оно напоминало Балтийское море его родного Петербурга. Но в Черном было что-то новое, другое, неуловимое, не поддающееся объяснениям. Володя был очарован этой неведомой красотой.

– В хорошем месте живут. Богатые, – вздохнул Полипин, пытаясь вернуть Володю к жизни. Как для коренного одессита, для Полипина море не представляло никакой диковины.

– Где их квартира? – Володя вернулся к реальности, не без сожаления оторвавшись от морского пейзажа.

– Не квартира. Дом. Видишь зеленый особняк в глубине двора, за решеткой? Это дом Коганов. Пойдем.

Они обошли большой двор с видневшимся в глубине ухоженным садом, поднялись по изящным ступенькам крыльца и постучали в дверь бронзовым молоточком. За дверью сразу же послышался истерический женский голос, что-то прокричавший на неприятной высокой ноте. Бухнула о пол посуда – такой характерный звук нельзя было спутать ни с чем. Дверь открыла горничная с покрасневшим лицом и заплаканными глазами. На одном дыхании она отрапортовала:

– Никого не велено принимать!

– Нас, деточка, за это не касается. – Решительным жестом Полипин отстранил горничную и шагнул внутрь. Володя проследовал за ним.

Они оказались в роскошно убранном холле с мраморными скульптурами, бронзовыми светильниками и античными вазами. В кадках росли какие-то пальмы. Словом, все было богато, дорого и абсолютно безвкусно – Володя определил это с первого взгляда.

В холл выходили две двери – слева и справа, а по центру шла лестница, ведущая на второй этаж. Дверь направо была приоткрыта. Очевидно, для Полипина был важен женский голос, доносившийся откуда-то рядом, потому что он решительно шагнул туда.

Комната, в которую они попали, была роскошно убранная гостиная. В центре, возле стола на бронзовых ножках, стояла дама. Она застегивала на изящном запястье бриллиантовый браслет. На полу валялись осколки разбитой тарелки и куски какого-то печенья.

– Что это такое?! Что вы себе позволяете?! – вспыхнула она.

Эта дама вовсе не напоминала убитую горем супругу, лишившуюся драгоценного мужа. Ей было около 45 лет. Высокая, статная, все еще красивая, с тонким аристократическим лицом, с темно-каштановыми волосами, она была одета в ярко-красное платье по последней моде. На груди, в ушах, на пальцах сверкали бриллианты. Было очевидно, что дама пытается молодиться изо всех сил – избыток косметики на лице ясно давал это понять. Обилие пудры, румян, вызывающий кармин губ – все это придавало ее тонкому, выразительному лицу выражение какой-то странной маски и очень ее портило, делая значительно старше.

Увидев входящих мужчин, дама даже покраснела от злости и притопнула ногой:

– Я велела никого не принимать! Ступайте вон! Вон!

– Придется потерпеть, мадам, – решительно приступил к делу Полипин. – Вы подавали заявление в полицию о пропаже мужа? Так вот, мы и есть полиция. И вам придется задержаться.

– Не больше чем на пять минут! Я опаздываю к модистке! – воскликнула дама.

– Поверьте, на больше, мадам, – усмехнулся Полипин. – Вы ведь подавали заявление?

– Никакого заявления я не подавала! Его отнес в полицию мой старший сын!

– Простите? – Полипин изобразил, что не понял.

– Зачем мне разыскивать этого негодяя, если я прекрасно знаю, где он может быть?

– И где же, мадам?

– Пусть полиция проверит все бордели – в одном и найдет. А если не найдет, то он обязательно отыщется у какой-нибудь девицы. Он вечно шляется по разным бабам! Зачем мне его искать?

– Вы хотите сказать, что вас не волнует исчезновение собственного мужа?

– Не волнует. У нас с мужем, господин...

– Полипин. Егор Полипин, полицейский следователь по особо важным делам.

– Неужели полиция считает дело моего мужа таким важным? – Дама искренне удивилась. – В торговле все прекрасно справляются без него. Ну а мне он не нужен. Зачем кому-то его искать? Так вот: у нас с мужем довольно натянутые отношения, господин Полипин. В последнее время мы живем сами по себе. И поверьте, если он решил меня бросить, лить слезы я не стану. – У дамы даже голос не дрогнул.

– Интересная точка зрения, – качнул головой Полипин. – Значит, вы уверены, что ваш муж жив и здоров?

– А что с ним может случиться? Друзей у него целый город, все его обожают. Он всегда тщательно следил за своим здоровьем. Что же с ним может произойти?

Дама даже захотела уйти, однако Полипин ее остановил:

– Прошу прощения, мадам. Но сегодня вы не попадете за модистку. Вы должны поехать с нами в анатомический театр.

– В анатомический театр? – Изумлению дамы не было предела. – С какой стати? Зачем?

– На опознание трупа. Мы подозреваем, что ваш муж мертв, мадам...

Позже, когда с процедурой опознания было покончено, они снова вернулись в особняк на Софиевской. Теперь мадам Коган была так бледна, что краска на ее лице проступала уродливыми клоунскими пятнами. Она полностью опознала вещи убитого мужа, в том числе и золо-

той браслет. А также труп, несмотря на то, что лицо было изуродовано – по родинке на внутренней стороне левого бедра. Труп с решетки Горсада – это был Борис Коган, богатый торговец мясом и колбасой, человек, довольно известный в городе.

И эта информация сразу дала новый поворот в деле, ведь люди такого социального положения редко становятся жертвами случайных убийц.

Жена Когана была шокирована, потрясена, испугана, но отнюдь не убита горем. Узнав о смерти мужа и увидев его тело, она не проронила ни единой слезы.

Вернувшись в особняк (Полипин решил допросить ее по-горячему, пока не успела собраться с силами), она все еще продолжала держаться решительно, несмотря на пережитый шок.

Мадам пригласила их в другую гостиную, а когда они расположились в роскошных креслах, обтянутых золотой парчой, позвонила горничной и велела подать коньяк.

– У вашего мужа были враги? – начал допрос Полипин.

– Если вы имеете в виду тех, кто способен на такое, – нет, таких врагов у него не было. Мой муж был богатым и уважаемым человеком. Дела его в торговле обстояли блестяще. А в последние годы, когда подрос наш старший сын и серьезно занялся отцовским бизнесом, у него появилось много свободного времени, которое он мог тратить исключительно на себя.

– Как же он его тратил, мадам?

– Искал развлечений. Видите ли, мой муж стал стареть, и это подействовало на него угнетающим образом. Как говорится: он пустился во все тяжкие. Стал менять женщин и выбирать какие-то сомнительные компании, с которыми посещал различные увеселительные места. Он был большим любителем веселой и беззаботной жизни, завсегдаем всех модных ресторанов, кафе и кабаре. Словом, я мало знала о его времяпрепровождении, так как с тех пор, как он изменился, наши отношения стали очень натянутыми. Мы даже подумывали о разводе. – Мадам замолчала, демонстрируя скорбь о прошлой жизни.

– Кто хотел развода? – Полипину было не до церемоний, он говорил резко.

– Я, – так же неожиданно резко ответила вдова. – Я устала от его бесконечных историй с разными женщинами. Иногда они являлись сюда и пытались устроить скандал. Это было отвратительно. Я несколько раз порывалась от него уйти, но он валялся в ногах и слезно клялся, что это было в последний раз, что любит он только меня. Ну и я таяла. Проходила неделя, другая, и все начиналось сначала. В конце концов мы стали чужими людьми. И жили под одной крышей каждый своей собственной жизнью.

– Как проводил свои дни ваш муж? – не унимался Полипин.

– Вставал поздно, часов в одиннадцать. Велел подать кофе с газетой. Затем ехал в контору. Завтракал в городе, в каком-нибудь из ресторанов. Возвращался в контору и занимался делами часов до четырех-пяти. После этого появлялся дома, обедал, отдыхал около часа, а затем отправлялся на поиски приключений, из которых возвращался под утро, а иногда вообще не возвращался. На моей памяти он раз десять пропадал из дому на неделю, дней десять, даже на месяц, пребывая у какой-нибудь женщины. Вот почему я не стала беспокоиться и в этот раз... – Мадам вздохнула.

– Но забеспокоился ваш сын, – не отставал сыщик.

– В конторе намечалась важная сделка, сын не хотел ее упускать, а мой муж должен был поставить подпись под документом. Вот почему сын вознамерился его найти.

– Ваш сын живет с вами?

– Нет. Он женат, живет со своей женой на Княжеской улице, это недалеко. Со мной живут младший сын и дочь. У нас трое детей.

– Вы не знаете, как провел ваш муж день исчезновения? Кстати, когда он исчез?

– Он не вернулся к утру. Числа не помню. А день провел так же, как и всегда. Как я уже рассказывала, – похоже, вдова начала уставать от бесконечных вопросов.

– Куда он мог пойти тем вечером? – Полипин, по всей видимости, усталости не испытывал.

– Не имею ни малейшего представления! – воскликнула вдова. – И также не знаю, кто мог сотворить с ним такое... Это ж насколько надо было его ненавидеть... Я всегда считала, что у моего мужа нет врагов.

– Скажите, в жизни вашего мужа не происходило ничего необычного в последнее время?

– Ничего. Разве что налет...

– Можно подробнее? – Полипин начал записывать.

– Ну, где-то дней десять назад к нам в дом вломились бандиты. Было около семи вечера. – Вдова всхлипнула и начала говорить четко и быстро: – В тот день мой муж задержался в конторе позже обычного, и только вернулся. Они оттолкнули горничную и ворвались в гостиную. Выстрелили в люстру. А муж спокойно сказал, что незачем громить дом, он сам им принесет деньги. Пошел и принес. Один из бандитов, молодой такой, чернявый, указал главарю на браслет, который всегда муж носил на руке. Муж перепугался – он никогда не снимал этого браслета. Это был подарок его матери, последний подарок перед смертью, и он очень им дорожил. Ну а когда он увидел, что бандиты заинтересовались золотом, то перепугался. Но главарь не стал забирать – сказал, что оставляет браслет на память о них. Молодой этот, чернявый, был очень недоволен. Глаза его так и сверкали злобой. Но пойти против главаря не посмел. Потом они ушли. А деньги, которые они забрали, муж через день восстановил на бирже. Так что не сильно и пострадал...

Больше ей нечего было рассказать. Она все еще была на взводе и дергалась, но постепенно стала успокаиваться. Володя и Полипин не сомневались, что, когда они уйдут, вдова не станет рыдать.

Глава 6

След банды Корня в убийстве Когана. Вечер литературной богемы. История жены художника Грановского. Деньги – мусор!

– Занятная бабенка! – Закончив отчет об опознании, Полипин бросил все бумаги и уселся на стол. – Таки да, занятная. Не удивлюсь, если она мужа грохнула. Есть у нее к тому все задатки. Тем более, его смерть очень ей выгодна: еще молодая, свободная, получает все миллионы. Есть шанс на хипиш.

– Неужели она могла убить таким способом? – удивился Володя.

– Ну, не сама, конечно. Наняла кого-нибудь. А тот и увлекся.

– А может, к этому причастны те бандиты, что их грабили? Разозлились из-за браслета?

– Как ты учился на юридическом? – усмехнулся Полипин. – Никакой логики! Они же не взяли браслет.

– Да просто в отместку, что он выставил их идиотами. Чернявый, к примеру, – настаивал Сосновский.

– Он не выставлял их за адиётов, – засмеялся Полипин. – Они хорошо заработали на нем. А насчет бандитов – ты прав, нужно узнать, чья работа. У меня есть свои каналы.

После этого их вызвал в свой кабинет Бочаров.

– С убийством Когана все ясно, – заявил он, – надо как можно скорей закрывать это дело и приступать к следующим.

– Что ясно?! – в один голос удивились Полипин и Володя.

– Дело это явно политической окраски. Теракт. Так и будем держать курс. Коган был богатым человеком, известным в городе. Таких людей не убивают просто так. Таких людей убивают, чтобы показать обществу, что с ним не считаются, не уважают его законы. И, оскверняя труп Когана, убийцы показывают, что оскверняют мир, к которому он принадлежал. Это поли-

тика чистой воды. Иного просто быть не может. Так рассуждают сейчас эти красные, которые будут поопасней любых бандитов. Или анархисты, которые устраивают теракты, – Коган вполне может быть делом их рук. Так что теперь вам ясно, в каком направлении работать: хватать политических и допрашивать с пристрастием. – Такая долгая речь не могла не сказаться на дыхании Бочарова. Сначала он замолчал, а потом тяжело задыхался. Затем, справившись с собой, закончил: – Дело закроем, и все начальство в городе будет очень довольным.

– Я не согласен! – не выдержал Володя. – В этом чудовищном убийстве я не вижу вообще никаких идей! Зачем политическим убивать с такой жестокостью, а потом добавлять пальцы в какие-то мясные продукты, а внутренности оставлять под грудой мусора? Для теракта в этом нет никакого смысла! Это сделал психически больной человек – к тому же, очень опасный для общества. Мне кажется, он может убить еще раз.

– Психически больной! – фыркнул Бочаров. – А что я буду с этого иметь? Вы серьезно считаете, что я брошу лучшие силы полиции и всех жандармов на поиски психически больного человека? Зачем мне это? Я не получу от этого ни повышения, ни уважения в городе. Зато на фоне борьбы с политическим террором начальство без всяких сомнений позволит мне использовать все лучшие силы, и даже военных. Я заслужу славу в городе. А сколько пользы я принесу обществу, если в облавы будут попадаться члены всех этих банд, которые готовят теракты в городе! И на фоне таких блестящих перспектив я буду думать о каком-то психе, а тем более углубляться в то, что он отрезает пальцы? Да вы посмотрите, что происходит в городе! Город горит огнем! А вы мне предлагаете бросить все это и думать о психах? Нет, ловите красных, ловите анархистов, заполняйте камеры политическими и на этом фоне закрывайте дело Когана. Что молчишь, Полипин? Ты же опытный человек! – Бочаров, похоже, начал задыхаться.

– Я... – Полипин откашлялся, – я согласен с Владимиром... Политические тут ни при чем. Это псих, причем очень опасный. Если мы его не поймаем, он еще кого-нибудь убьет.

– Не городи чепухи, Полипин, – откашлялся Бочаров. – Таких убийств больше не будет. Нам показали всё, что хотели показать. Это чистой воды теракт, и второй раз его не повторят.

– Надо бы проследить контакты Когана, посмотреть, с кем он общался... – нерешительно подал голос Полипин.

Покладистость Бочарова никого не могла усыпить. И это было правдой. Через минуту раздалось:

– Ну, Володя человек молодой, неопытный, ничего не знает о нашем городе. А ты, Полипин, что? Хочешь вылететь у меня из полиции, или как? Какие контакты Когана?! Ты только попробуй! Когана этого вообще оставь в покое! На его месте мог быть кто угодно, любой известный богач. О другом думай. Надо устроить в городе политический террор, хватать студентов, криминалитет, интеллигенцию всякую, чтоб им неповадно было развивать здесь свои политические идеи! И главное – слушайте внимательно, это вас обоих касается! Говорить о деле Когана следует исключительно как о политическом теракте. Там, кстати, в приемной вас журналист дожидается, Пильский из «Одесских новостей». Шустрый, как... – Тут Бочаров замялся. Но ненадолго. – В общем, как фраер. Я обещал ему дать информацию по убийству в Горсаду. Теперь уже можно объявлять, что это Коган. Скажете, что это теракт, политическое убийство. Ты, Полипин, знаешь, что сказать. И учти: если что-то пойдет не так, ты у меня первый кандидат на вылет. А у тебя, между прочим, жена и пятеро детей. Где ты устроишься на работу в таком возрасте? Так что иди и хорошо подумай о своем будущем... И о том, что я сказал.

Разговор с Бочаровым ни Володе, ни Полипину радости не добавил. Опечаленные и удрученные, они возвращались в свой кабинет.

– Прости меня, – вдруг произнес Володя. Будучи человеком тонким, очень чувствительным к малейшим переживаниям людей, он остро почувствовал ту беду, в которую из-за его замечаний едва не угодил Полипин. И теперь ему было немного не по себе.

– Прости меня, – повторил Володя, – я больше не буду встречать со своими замечаниями. Я понял, что в опасности находишься ты.

– Да ладно уж... Шо тут за это... – Полипин махнул рукой. – Врать здесь не тут впервые. Обидно то, шо ты прав на сто процентов. Кто-то имеет держать нас за фраеров. Бочаров заикнулся на своем и ничего вокруг не видит. Его тоже можно понять – начальство постоянно на башку давит, из-за политики все с ума посходили, делают ему беременную голову. А за криминальный мир ему трогать не хочется. Вот и попал под колесо.

– Это правда, что Бочаров берет от воров взятки? – Неожиданно даже для себя в лоб спросил Володя, уже наслышанный о местных делах.

– Ну, во-первых, не от воров, а от главарей местных банд, – сразу же ответил Полипин, как будто ждал этого вопроса. – Каждый из них называет себя королем Молдаванки, и на каждой улице за пять таких королей. А во-вторых, надо же как-то жить. Взятки все берут, я тоже беру – а что делать? На грошовое полицейское жалованье детей кормить?

– Ну знаешь!.. – вспыхнул Володя. – Это же непорядочно: ловить бандитов и брать деньги от бандитов!

– Ты, мальчик, идеалист. – усмехнулся Полипин. – Ну чистый швицер без тапочек! Тебе вообще хорошо – семья богатая, чуть что – дядя прикроет. Напялил себе трусы с галстуком – и сделал как киця лапкой... Полный ажур... А всем остальным жить как? Эти бандиты, которых мы ловим, тоже стали бандитами не за хорошую жизнь. Может, повернись жизнь к ним другим боком, они стали бы уважаемыми членами общества, как этот Коган. Так что никогда не берись никого судить. Когда знаешь за всю правду – перестаешь осуждать... – Полипин замолчал. Молчал и Володя...

Журналист Пильский ждал их на первом этаже полицейского управления. И Полипин бодро выдал порученный ему Бочаровым текст. Володя молча стоял в стороне. Он решил больше не вставлять своих замечаний. Полипин разошелся, повествуя об успехах полиции, и в конце разговора представил Володю как чиновника по особым поручениям, приехавшего из Петербурга.

– Я сразу понял, что вы не одессит, – улыбнулся Пильский.

– Как вы могли это понять? – удивился Володя.

– Стоите в сторонке и все время молчите – ну это не характерно для одессита. И вид у вас такой чопорный, как будто гвоздь проглотили. А он вот-вот вырвется наружу!

Володя рассмеялся. Пильский был энергичный, хваткий – настоящий журналист. Но в то же время была в нем какая-то изюминка, вызывавшая людей на откровенность.

– Я надеюсь стать одесситом, – улыбнулся Володя. – Я влюбился в ваш город... Он такой поэтический.

– Поэтический? Вы любите стихи?

– Я пытаюсь их писать.

– Какое замечательное совпадение! Я организовал литературный кружок, у нас собираются молодые писатели и поэты, все веселые, задорные, талантливые. Бывают очень острые дискуссии! Приходите к нам, почитаете свои стихи.

– Я с удовольствием! – зарделся от восторга Володя. – Я этого очень хочу.

– Познакомьтесь со всеми одесскими литераторами и немного отвлекитесь от ваших полицейских проблем. Давайте я напишу вам адрес. Собираемся в ближайшую среду.

Когда Пильский ушел, Полипин посмотрел на Володю с подозрением:

– Чего ты так сияешь? Вид, будто миллион выиграл!

– Ты не понимаешь! Писать стихи, читать стихи! – Володя действительно просто сиял. – Это же счастье, отвлекаться от всего этого! Трупы, взрывы, торговки... Вся эта чушь, которая вертится в голове... А стихи – они и есть настоящее! Это и есть – жизнь!

– Настоящая жизнь – это найти за Людоеда, – буркнул Полипин. – Ты бы лучше на этом сосредоточился. А то развел тут холдоймес... стихи у него... Фраер с ушами...

Но Володя отмахнулся от него. Жизнь тут же заиграла перед ним своими радужными красками, даря ощущение настоящей свободы – как раз того, о чем мечтал, когда ехал сюда! Ах, Полипин, Полипин! Обремененный семьей и долгами, старый сыскарь уголовного розыска, привыкший к полицейской циничности, ну разве он поймет все это! Он думает об убийстве. А для Володи стихи всегда были символом жизни – не смерти. И он стремится жить!..

Облавы начались сразу. Володя знал, что они проходят, но не участвовал в них. Шок наступил в тот самый момент, когда в своем дворе он увидел человек двадцать молодых людей, которых конные жандармы гнали к зданию, где находились камеры для политических. Большинство этих людей были сильно избиты, в крови. Некоторые даже не могли идти, и товарищи поддерживали их, помогая двигаться. Зрелище было одновременно и жалким, и устрашающим.

Володя бросился к Полипину. Тот был невозмутимым:

– Студенты. За облаву попались, фраеры вислоухие. Многие из них хранили запрещенные книги. Лучше бы молчали по делу свой рот.

– Многие... А остальные?

– Ты что, не слышал Бочарова? В облаву всех брать.

– Почему они все избиты?

– А их шо, привезли на курорт? За минеральные воды? Может, им еще пирожные раздавать? С бесплатными тапочками?

– Не понял?.. – Володя был обескуражен.

– Спротивлялись, видимо, – пожал плечами Полипин. – Да не обращай ты за это внимания! Нужны они тебе. Что ты с них будешь иметь?

– Но какое отношение они могут иметь к убийству Когана?

– Никакое. Но что Бочаров сказал? Большое ша! Они политические, и дело Когана – политическое. Всё. Точка. Мы же договорились не обсуждать. Шо ты юлозишь, как вошь в бане?

Но Володя не мог успокоиться. Он даже направился к Бочарову, но того не было, он уехал к губернатору. И отсутствие Бочарова на месте несколько охладило Володин пыл. Тем более – до долгожданного литературного вечера оставался день. А больше Володю не интересовало ничего.

К концу дня Полипин принес новости. Отсутствовал он часа два, но вернулся очень довольный собой.

– Я знаю, кто брал дом Когана. Налет на его дом совершила банда некоего Корня. Чистый фраер, молодой авторитет, живет на Молдаванке, банду сколотил недавно. До того работал на железной дороге и был уволен – якобы за пьянство. Но на самом деле – за драку с мастером. Авторитет дерзкий, но не особо удачливый. Хотя с Коганом ему конкретно повезло. Есть мнение, что на Когана Корня кто-то навел – возможно, из прислуги. Она у Коганов меняется постоянно, потому что вечно конфликтует с характерной мадам Коган, ну ты сам знаешь.

– А чернявый бандит, который заинтересовался браслетом?

– Это – Гека, правая рука и бессменный адъютант Корня. Они друзья детства.

– Гека? Что это еще за имя такое? – удивился Сосновский.

– Это кличка. А может, и за имя. – Полипин изобразил, что смотрит документы. На самом деле ничего похожего не было. – Не знает никто. Гека сирота. Воспитывался в сиротском доме,

затем работал грузчиком в порту, откуда был уволен за драку. После этого околачивался с контрабандистами, выходил с ними в море, но чего-то не поделил и ушел. После этого связался с Корнем, и с тех пор неразлучен с ним. С Корнем они воспитывались в одном сиротском доме. – Было ясно, что все эти сведения находятся просто в голове у Полипина. – Корень тоже сирота. Словом, типы отчаянные, способные на всё. И палец им в рот не клади. Банда Корня, кстати, сейчас контролирует достаточно большую территорию Молдаванки и пытается подобраться к Пересыпи. Но на Пересыпи правит Сало, а Сало – тот еще зверь. Пока до открытых столкновений не доходило, так как Корень пытается потеснить других лидеров Молдаванки. Но Сало держит Корня за швицера, а тот думает, шо за фраера. – Полипин всхохотнул. – Та да, и качает права, как за тут. А это шо не здесь. Но пока ему не удавалось. Похоже, Сало будет открыто иметь его за полного адиёта. Сейчас он сцепился с Ванькой Рвачом – помнишь, – обернулся Полипин к Володе, – торговка про него говорила? Многие считают, что Корень одолеет Рвача. И тогда – шухер, но по-другому...

Володя все переваривал информацию.

– Ты считаешь, что Корень и этот его адъютант Гека причастны к убийству Когана?

– Та ладно, – засмеялся Полипин. – Нет. Ни в коем случае. Зачем им за это?

В среду был проливной дождь, который начался на рассвете. К утру, едва Володя вышел из пролетки возле полицейского участка, дождь превратился в промозглый сырой туман, густыми хлопьями нависающий над городом. С туманом пришел холод – пронизывающий до дрожи, до оцепенения, полный студеной воды. Ежась и зябко кутаясь в шинель, Володя быстро поднимался по осклизлым мраморным ступенькам, думая только о том, что сегодня среда. А значит, скоро конец трупам, торговкам, женам, бандитам и всей этой мерзости!

Он будет читать стихи. Впервые со счастливых времен Петербурга. И, думая только о вечере среди одесских литераторов, Володя находился очень далеко от обычной полицейской работы. День прошел отстраненно, скомканно и плавно перетек в вечер.

Волнуясь, как школьник, Володя робко покрутил звонок квартиры на Ришельевской, адрес которой дал ему Пильский. За дверью слышались шумные голоса.

Дверь открыла девушка с длинными, беспорядочно свисающими на лицо темными волосами, с неестественно белым от белил лицом и глазами так густо накрашенными черной тушью, что они казались сплошными пятнами угольно-черной краски, из-за которой было не разглядеть зрачков. На девушке была мужская рубаха-косоворотка, подпоясанная тонким кожаным поясом, длинная юбка и – почему-то – кирзовые сапоги. В пальцах девушка держала мундштук, в котором дымилась черная египетская сигарета (Володя когда-то пробовал курить этот сорт – они были очень крепкими).

– Добрый вечер! Я... – начал было Володя, но девица, не говоря ни слова и не задавая никаких вопросов, просто посторонилась в дверях, пропуская его вперед. Затем так же молча закрыла дверь.

В огромной комнате с эркером, ярко освещенной хрустальной люстрой, яблоку негде было упасть, а под потолком стеной висел густой дым. Круглый стол посередине был заставлен бутылками с вином, стаканами, пепельницами, тарелками с дешевым печеньем и каким-то засохшим сыром – все неаккуратно, тарелки стояли буквально одна на другой. И вокруг этого стола толпилось очень много людей. Все они громко говорили, разом, перебивая друг друга, размахивая руками. В комнате было весело, громко, дымно и так шумно, что первые несколько минут Володя ничего не мог разобрать.

Кто-то подтолкнул его к столу. Девица в мужской рубашке сунула ему в руки стакан вина. Растерявшись, Володя пригубил вино – оно было кислым, отдавало сивухой и табаком, явно дешевым, и било в голову, заставляя усиленно кружиться яркие огоньки ламп.

В самой сердцевине этой толпы Володя разглядел журналиста Пильского. Он приветливо махнул ему рукой и продолжал беседу с небритым блондином в народной вышитой рубахе, который кричал так громко, что на какое-то мгновение даже заглушил всех вокруг.

– А я вам говорю, это мертвый мир! Это мертвое искусство прошлого! – кричал блондин, размахивая руками. – Мы должны разрушить его до основания, стереть с лица земли, а на верхушке построить свой, перевернув с головы на ноги корни всех слов, чтобы никто, кроме нас, не мог их понимать! Хватит мертвых, отживших слов! Мы должны впустить в мир свои новые слова!

Пильский тихо что-то сказал, от чего блондин разошелся еще больше:

– Мертвые люди! Вы посмотрите, сколько вокруг мертвых людей! Федоров, Юшкевич, Недзельская – это все мертвые души, отжившие тени прошлого! Мы сотрем их с лица земли! Кого интересуют их мертвые, устаревшие слова! Мы, именно мы здесь и сейчас – глашатаи нового мира, гладиаторы будущего! Именно мы творим будущее! Да здравствуют стихи, которые никто не станет понимать!

Толпа вокруг зашумела, заплодировала. Какой-то рыжий парень в юнкерской шинели не по росту, явно с чужого плеча, тут же влез на стул, стоявший рядом, и принялся декламировать какие-то странные стихи. Впрочем, в Петербурге Володя уже слышал нечто подобное.

– Дыр булл щыл-убещур... Гыл быр бут-обертал... Абра-быр щубур дыр...

Все вокруг хлопали.

– Грандиозно и страшно, правда? – Коренастый молодой человек с хитрыми, пронизывающими глазами улыбнулся Володе.

– Грандиозно, – кивнул Володя.

– Вы у нас впервые? Вы слышали уже такие стихи?

– Слышал. В Петербурге. Но здесь, у вас, я действительно впервые. Меня пригласил господин Пильский.

– Он собрал нас всех еще летом 14 года. Как раз тогда, когда у нас в Одессе высадился футуристический десант. Мы все – творцы нового мира. Когда-нибудь мы перевернем всю мировую литературу!

– Обязательно! – кивнул Володя.

– Меня зовут Валентин Катаев, – парень протянул руку; рукопожатие его было крепким и энергичным.

– Владимир Сосновский, – представился Володя.

– Сосновский? Я уже слышал где-то вашу фамилию. Подождите... Это же ваши стихи печатались в сборнике «Засахаренная крыса»? Про автомобиль, поезд и про луну.

– Мои, – Володя скромно потупил взгляд.

– Здорово! Я читал все сборники, которые вышли в Петербурге, и «Пощечину общественному вкусу», и «Дохлая луна», и «Засахаренную крысу». Они все дошли до нас – эти странные книжечки, напечатанные на толстой, чуть ли не оберточной бумаге со щепочками, непривычным шрифтом и названиями, которые должны поражать.

– Все специально было придумано для того, чтобы дразнить читателей.

– Именно так! Но знаете, что поразило меня больше всего? Среди совершенно непонятных для меня стихов, напечатанных вкривь и вкось, кажется, кое-где вверх ногами, которые воспринимались как дерзкая мистификация или даже протест, звучал какой-то единый, грандиозный, мощный смысл, который не только шокировал, но и звучал страшно... Так мне это показалось.

– Почему же страшно?

– Страшным всегда является зарождение нового мира. А вы не можете не признать, что именно здесь и сейчас зарождается новый мир. Всё не будет, как прежде. Всё будет совершенно иначе. Я не знаю, лучше или хуже, это будет понятно дальше. Но всё будет совершенно другим.

И вот когда остро осознаешь это, то наряду с грандиозностью и мощью, которые тебя поражают, испытываешь какую-то странную, непонятную тоску.

– Не знаю, – Володя покачал головой, – мне хочется поскорей покончить со старым и писать как можно больше стихов, которые никто не поймет.

– Вам есть с чем покончить? Со своим прошлым?

– И с нынешним. Я бы с удовольствием отправил свое нынешнее в прошлое и занимался бы только написанием стихов. Но так нельзя. Я здесь очень мало пишу, особенно после проклятой работы. В этом и вся беда.

– Чем же вы занимаетесь?

– Работаю в полицейском управлении, – Володя поморщился, – чиновником по особым поручениям при главном полицеймейстере... А на самом деле – я обыкновенная полицейская ищейка, которая вместо стихов пишет нудные полицейские протоколы. Тошно даже говорить!

– Мой младший брат, Евгений, тоже мечтает служить в полиции. В уголовном розыске. Все время об этом говорит. Он даже смешные протоколы пишет, как фельетоны. Один раз написал про обнаруженный труп: «Найден молодой брюнет с горячим сердцем, который любил и страдал, а сейчас неподвижно лежит головой на восток...»

Володя засмеялся. Его новый знакомый тоже. Володя почувствовал себя непринужденно и легко. Он сделал большой глоток вина, уже не казавшегося ему ни противным, ни кислым. Хотелось петь, кричать, говорить.

– Вы пишете прозу или стихи? – спросил Володя своего нового знакомого.

– И то, и другое. Понемножку. И уже печатался в «Одесских новостях».

– Познакомьте меня с окружающими. Кто есть кто.

– Извольте. Пильского вы уже знаете, он наш мозговой центр. Вон та девушка – видите, с темными волосами, это Зоя Шилова, наша поэтесса. Еще – вон тот парень, видите, спорит, размахивает руками – это Эдуард Багрицкий, поэт. Конечно, это его псевдоним, но он предпочитает, чтобы все называли его именно так. Вон тот юркий, который все скачет, как чертик из коробки, и хлещет вино стаканами, – Юрий Олеша. Небритый блондин, который кричит про новый мир, – наш поэт Николай Ревеньков. Однажды он написал матерные частушки про нашего главного жандарма и напечатал их в «Народном листке», так его едва не упекли в каталажку. Рыжая девушка, которая все время курит, – Соня Фомина, она пытается писать любовные романы, но новыми словами. Выходит так, что над ней все смеются, но это ее не смущает, так как она печатает их исключительно за свой счет, у нее папа – банкир. Еще – Адалис, Гринберг, видите, вон там спорят. Эти все наш основной костяк. И каждый раз на среду приходят очень много новых людей – актеров, художников. Так что я не назову вам и половины из них. Впрочем, нет, одного назову – видите, вон тот красавец-брюнет средних лет с бородой и длинными волосами? Все девушки не сводят с него глаз! Это наш самый известный художник Евгений Грановский, наш городской портретист. Он не только известен, но и очень богат. Все купцы и знатные особы в городе так и норовят заказать у него свой портрет. Становятся к нему в очередь. Он мог бы сидеть сейчас в лучшем ресторане города и пить самое дорогое шампанское. А он любит богему, сидит у нас, с дешевым вином. Он вообще странный...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.